Василиса Раса
ТРИ СПОСОБА
ИСПОРТИТЬ
ЖИЗНЬ МАГУ

Василиса Раса

Три способа испортить жизнь магу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68822634
SelfPub; 2023

Аннотация

Я мечтала купить новый диван, съездить в маленький отпуск. А взамен получила загадочного мужа-Синюю бороду, тётку, от которой у меня дыбом встаёт даже мозг, и замок с клубком семейных тайн и сюрпризов. А тот, кто мог бы вернуть меня обратно домой, всё не торопится это сделать.Но педагога со стажем не так-то просто застать врасплох! Поэтому будем как-то сами выбираться отсюда…

Содержание

Пролог 4
Глава 1 5
Глава 2 26
Глава 3 48
Глава 4 72
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Василиса Раса
Три способа испортить жизнь магу

Пролог

– Ну же! Вы согласны, Эмеральд? – злой мужской голос яростным шёпотом рычал мне в лицо. Обладатель его, казалось, пытался проломить коленом мои несчастные рёбра и, возможно, сожрать мою печень и при этом он очень красочно чертыхался. – Отвечайте! Или я вытряхну вас из этого демонова платья при всех! И сделаю то, что должно! Да-да, именно. Выпорю, и никакой ваш папенька не поможет. Он сбежал!

Бред какой. Я заболела что ли?

– Мм..? – потянулась к угасающему свету, и в ответ раздалось ликующее:

– Слава небесам! Объявляю вас мужем и женой. Поднимите невесту!

Ну я ж говорю, бред. Только щёки горят сильно почему-то. Правда что ли температура свалила? Ничего не помню…

Глава 1

День был чудесный. Пара стояла в расписании на этот год очень удачно, так, что мне не приходилось даже особенно отвлекаться от основной работы.

Я взмахнула рукой, отпуская студентов на волю и, опомнившись, прокричала в схлынувшую за двери толпу:

– Пухлянски!

– Руслана Алексеевна! Ну сколько можно?!

Я махнула на него рукой – пусть не воображает.

– С тебя цифра к коллоквиуму! У тебя оптика самая широкая.

– Да помню я! – проворчал Булкин, несчастный ребёнок, не могли материну фамилию мальчишке дать что ли? – Я уж и так даже во сне на ваш парад планет смотрю. Чего уж там такого-то?

– А надо не во сне. Надо в зеркала, – сказала я, застёгивая портфель. Понимал бы чего в направленном свете.

– И это. Руслана Алексеевна, вы перестаньте меня так, при всех…

– Вот когда килограммов двадцать скинешь… – многозначительно уронила я. – Для начала.

– Да вы что? На самое дорогое! – ужаснулся студент, и похлопал себя по толстому пузу. Ему и правда надо было срочно худеть. Отёк у парня был явный, и поджелудочная с

печенью тоже заметно сбоили, судя по маске лица. – Да и трудно это. Сами разве не знаете?

– Трудно, Пухлянски, с диабетом жить. И с гипертонией. А худеть – не, не трудно, – что я ещё могла ему сказать? И как замотивировать? – Жрать меньше надо, и спортом заниматься! Глядишь, дольше проживёшь!

Моя пара стояла у них в расписании как раз после большой перемены, и каждый раз, заходя в аудиторию, я видела, как он спешно доедает пиццу из огромной коробки. Мрак и ужас…

Я смахнула всякую мелочь со стола в ящик и закрыла его на ключ. Имеющий уши, да услышит…

– И помни, без медосмотра я тебя до зачётов и экзаменов не допущу! Липовую справку не покупай – вот её как раз сожрать заставлю!

А там мать пусть сама разбирается, взрослые, поди, люди.

В спину мне донеслось нечто не слишком приятное и потому едва различимое за гомоном десятков голосов, но я уже выходила в коридор и потому предпочла не расслышать.

– Руслана Алексеевна, Руслана А-алексеевна!

Я мученически закатила глаза и остановилась.

– Ну что тебе, Пахрачёв?

Парнишка, весь взъерошенный, тяжело отдыхивался в сторону, но смотрел решительным взглядом.

– А-а. Ты опять… – разочарованно протянула я, пытаясь незаметно слиться с толпой студентов или прикрыться Бул-

киным, как раз в этот момент проплывающим мимо.

– Я нет… То есть.., да, конечно… Фух.... Но сейчас нет.

Господи, да что вы все разговаривать-то не умеете?

– Не знаю, как ты с такой дыхалкой по горам бегаешь, но с коридорами она явно не справляется. Коротко и по существу. У тебя три секунды.

– Вот, – мальчишка ткнул в меня одновременно кулаком и горящим взором, и я потянулась к очкам. Как довольно заулыбался Пахрачёв, я, конечно, уже не увидела.

– Если ты надеешься, что за это я всё-таки возьму тебя летом в Анды… Что это, Саш? – я осторожно перебирала пальцами по лёгкой металлической трубе с кривой ручкой и толстыми стёклами, отчётливо напоминающей карликовый телескоп.

– Мы летом в Саянах были. С клубом.

– Нашёл? – линзы были непривычные, слоистые и наверняка нерабочие. Я понюхала трубку и осторожно потёрла тёмный край, покрытый нечитаемыми под окислами символами.

– Можно и так сказать, – пробормотал студент и усмехнулся: – Джина нет, мы проверяли.

Я посмотрела на развеселившегося паренька поверх узких прямоугольных очков и строго объявила:

– Отнесёшь в лабораторию, я после занятий посмотрю. Если хочешь поучаствовать, велкам, – и прогуливающейся походкой пошла дальше.

Я уже говорила, что день был чудесный? Так вот, он действительно был. Солнце светило, студенты шуршали. Ничего не болело… что в определённом возрасте уже воспринимаешь, как истинную благодать.

Да и хорошо мне тут было. Университет я обожала с самого детства, когда ещё папенька с собой на работу брал. Здесь прекрасным было всё: запах старого лака, скрипучий паркет, облезающая краска вон там, у лестницы и высоченные двери, гул молодых голосов… Это были одновременно неизбежность и призвание, наверное.

Отец научил меня всему лучшему, что во мне было: любви к звёздам, к людям и к жизни.

"Без звезды в сердце вы нищи", были его слова, которые я из курса в курс повторяла студентам. "У каждого должны быть свои небеса" и "Звёзды доверяются только чистому сердцу".

И они доверялись – им, мне, нашему маниакальному энтузиазму. Так. Что-то я отвлеклась.

В общем, я с удовольствием вышагивала по коридору факультета астрофизики и посматривала в окна галереи, через которую лежал мой путь. Снаружи была звонкая, сочная весна в самом своём расцвете, умытая утренним дождём и тут же обласканная солнцем. От этого к ощущению счастья прибавилось предвкушение неизбежного чуда, словно в юности. А в груди что-то тоненько волновалось. Не иначе, Пахрачёв на меня слишком сильно надышал после пробежки, чтоб ему

там икалось до ужина.

К концу последней на сегодня лабораторной он заглянул в дверь, и я махнула, "заходи".

Парнишка просочился вдоль стены ко мне, и мы тихонько остановились у окошка.

Пока остальные корпели над работой, я рассматривала под увеличительной линзой Сашкину находку. Это была составная из нескольких частей трубка, явно на остатках частей какой-то из монтировок[1], потому что колёсико часов тут прослеживалась явно.

– Мало света, – пробормотала я себе под нос, и Сашка неожиданно предложил:

– А пойдёмте наверх, пока пара не кончилась, там и посмотрим.

– Не, не успеем, – я попробовала подковырнуть колёсико, и мне показалось, оно чуть заметно сдвинулось. – Мне лабораторные собирать пора, а наверх, даже если через ступеньку, их там девяносто три, на минуточку. Нельзя так с пожилыми людьми.

– Ру-русла…на Алексеевна! Вы что говорите такое? Вам лет-то не больше… – Пахрачёв смущённо заткнулся.

– Точно тебе говорю, девяносто три. Все почему-то дума-

---

[1] **Монтиро́вка телеско́па** (также опо́рно-поворо́тное устро́йство (ОПУ) телеско́па) – поворотная опора приборов для наблюдения за небесными объектами (например, телескопов или астрографов). Монтировка позволяет наводить телескоп на нужный объект, а при длительном наблюдении (или фотографировании) – компенсировать суточное вращение Земли.

ют, что больше. Я про ступеньки сейчас, если что. – Колёсико явно шевелилось, но что-то ему мешало. У меня от напряжения даже переносица вспотела. Труба была однозначно очень старая, и потерять её по моей неосторожности было бы обидно.

– Ну точно на комплимент нарываетесь, – с облегчением выдохнул мальчишка и вдруг опять напрягся, – Или вы меня разыгрываете?

– Ну какой розыгрыш, Пахрачёв, ты чего?.. Мм… Я сейчас сделаю одну вещь, за которую коллеги, если узнают, меня казнят особенно извращённым способом, поэтому …

– Могила, – с готовностью кивнул мой верный аспирант.

– Пожилой человек, это разве старый, Саня? – спросила я, доставая под изумлённые взгляды студентов вэдэшку из ящика с инвентарём. – Самой страшно, не говори ничего. Так вот, друг мой, это человек не старый вовсе, а тот, кто пожил и имеет некоторый опыт с этой жизнью справляться, – я примерилась к артефакту, прищурив для верности один глаз. – Ну вот, как-то так. А теперь – не дышите! – Осторожно капнула из пипетки на крошечное, почерневшие от времени колесо, и на дугу с символами, а сама отошла на всякий случай подальше, чтоб не сглазить, наверное, и чтоб раньше времени не начать хватать и проверять.

К тому моменту, как я приблизилась с бумажными салфетками и тонкой силиконовой уплотнительной лентой к окну, лабораторные лежали у меня на столе, а аудитория опу-

стела. Только Сашка настороженно сопел, сидя на первой парте.

Я аккуратно убрала остатки масла и, насколько было возможно, оттёрла дугу. Если мне не слишком изменяла память, руки мне следовало оторвать по самые уши. В назидание и чтоб не повадно было тянуть их к разным бесценным предметам.

Но было поздно. Звёзды сошлись так, что я до этой трубы первая дотянулась. Оставалось надеяться, что безвозвратно там пострадала только отломанная часть монтировки, которая, судя по почерневшему неровному краю скола, отломалась задолго до встречи со мной.

Я очень тихо и, по-привычке стараясь не дышать, повернула малюсенькое колесо и чуть не выронила трубку, потому что под пальцами едва ощутимо затикал механизм…

Эта доисторическая хрень очевидно работала, очень медленно двигаясь на моей дрожащей ладони.

Сашка вскочил. Я остановила его жестом – не сейчас.

И повернулась к окну, чтобы лучше видеть.

Ну а потом, какой астроном удержался бы от того, чтобы посмотреть в окуляр? Я, кстати, удержалась, соображения хватило, но посмотрела на символы, которые медленно наливались фиолетовым светом и выстраивались в круг. Я отодвинула окуляр от себя на расстояние вытянутой руки, привычным жестом направляя его мутные стёкла в горизонт. Символы на трубе засветились ярче, застилая лучами окно

предо мной, линзы вспыхнули розовым и белёсым, я услышала далёкое Сашкино "....Ана!", и всё померкло.

А потом случилось "Поднимите невесту" и прочий вопиющий своей сюрреалистичностью бред.

Кто, скажите мне, примет агонистичное мычание за согласие *соприкасаться рукавами*, учитывая, что меня при этом пытали? Да-да, щёки не от смущения горели, и, судя по запредельной чувствительности, лицо моё сейчас было размером с Юпитер, то есть очень большим, а видом, как Марс… – красным и безжизненным.

Почему-то было очень нехорошо и, по всей видимости, какие-то проблемы с глазами.

Наверное, я упала.., подумала отстранённо.

И тут меня рывком вздёрнули вверх и крепко ухватили за локоть. Я тихонько вскрикнула "Ай!". И тут же со змеиным шипением:

– Я же предупреждал! – мне на палец очень плотно село массивное кольцо…

Кольцо. Мне. На палец.

А палец, стало быть, в длинной красной перчатке…

Хороший новостей было, как говорил отец моих детей, обе. Если я сплю, то нечего зря время терять, надо спать дальше. А если не сплю, то самое время без промедления этим заняться. А там, на свежую голову, будет, о чём поразмыслить – это всегда полезно и приятно. Оставалось заставить себя разлепить глаза, чтобы подтвердить или опроверг-

нуть какую-нибудь из версий.

Нарастающий шум на периферии меня несколько беспокоил, но не настолько, чтобы я захотела выглянуть из-под красного полотна, закрывшего моё лицо, когда меня поднимали. Однако пришлось. Сильная рука небрежно сдёрнула ткань назад, и я с неудовольствием узрела бесстрастное лицо обладателя злого голоса, который сейчас очень больно сжимал мою несчастную руку. Ту самую, что с громадным кольцом.

Вырисовывалась ещё одна, несомненно, хорошая новость, которая заключалась в том, что если это красочный сон, то со мной, как с женщиной, по-прежнему всё в порядке. Если же это бред замученного работой сознания, то я готова была так бредить и дальше – объект передо мной был вида зрелого, судя по крепкой, широкоплечей фигуре и прихваченным сединой тёмным вискам, и харизматичного – шейный платок и пышные белоснежные кружева на груди были очень… экстравагантны.

Вид мужчина имел надменный, если не сказать отталкивающий, вероятно, благодаря жутким чёрным глазам, брезгливо расчленяющим меня сейчас на субатомы, и что-то в мыслях меня убеждало, что он ужасно старый, в морщинах и шрамах и вообще очень страшный и злой. Было ощущение, будто это отголосок чьих-то чужих мыслей, потому что мне самой он таким не казался. Напротив, производил впечатление весьма и весьма. Лет ему могло быть, как тридцать, так

и сорок пять. Но не больше. Уж точно не прям старый-старый. Для мужчины не возраст вообще. Мои сверстники выглядели примерно вот так же. Те, что хорошо сохранились, конечно. А вот эта его маска демонического спокойствия на лице отчего-то пугала.

Единственное, что выдавало истинные чувства моего собрата по обстоятельствам – это лихорадочный румянец на благородно высоких скулах и чрезмерно выступающие желваки на угловатой челюсти, да ещё губы, плотно сомкнутые в кривую, тонкую линию.

Мужчина старательно избегал смотреть на меня, а тот единственный раз, когда его взгляд вскользь мазнул по моей персоне, на его лице коротко вспыхнула бесконечная досада, что отозвалось во мне облегчением и внутренней удовлетворённостью. Я хотела было оглядеться вокруг, чтобы сообразить, что ещё тут происходит, но мужчина, эрд Тааль, как неожиданно подсказала мне память, вдруг опять наткнулся на меня взглядом и, в очередной раз гадливо поморщившись, накинул мне на лицо покрывало…

Все, что я могла теперь видеть – красный подол, мешающий мне идти и забор чужих ног, призванный не дать нам с супругом преждевременно покинуть друг друга. А покинуть, судя по отголоскам волнения в моём сердце и мыслях, хотелось…

Мысли вообще были странными, точнее, именно мысли были совершенно точно моими, чего невозможно было ска-

зать о воспоминаниях и знаниях о себе, которые обнаружились в пугающем объёме в моей голове, и мне не принадлежали. Среди хаотичной массы информации, вспышками, всплывающей в голове, я прекрасно осознавала, что зовут меня Эмеральд, в девичестве Моренье, лет мне от роду почти семнадцать, и брак этот мной до обморока не желанен. Что, собственно, со мной во время церемонии и произошло: хлопнулась, аки трепетная лань, прямо в страшные объятия неминуемого супруга. Бедняжка. Супруг потрясения не оценил, и теперь мне должно было спотыкаться от ужаса и заламывать руки в надежде, что чудовище меня не покарает. Бред какой-то…

Страшно подумать, чем этот мужик мог так бедного ребенка напугать. Кроме уже знакомого «старый» и «страшный» мне в голову больше ничего не являлось. Ах, вот еще: «у него есть ЛЮБОВНИЦА!». Да-да, именно так вот капс локом. Я прям даже покрывало, прячущее меня от публики, попыталась приподнять, чтоб убедиться. Правда? Любовница? Я разочарована. Потому что эрд Тааль производил впечатление человека серьёзного и сильного, на которого всегда можно положиться, и способного содержать минимум трёх любовниц. Минимум! Но уже точно не скучную и скромную одну. Ну да ладно, потом разберёмся.

Голоса стихали при нашем приближении, а стоило нам пройти мимо, пространство взрывалось громким шёпотом. И не буду лукавить, я прислушивалась изо всех сил и даже

притормаживала, чтобы уловить как можно больше.

«…Даже не дождался!», – скрипел старушечий голос слева, «…думал, её подменят. Кто в здравом уме согласится…», – сокрушался мужчина с другой стороны прохода, по которому мы шли, «… я бы не смогла…» – с томным придыханием вторила ему женщина где-то рядом. «Отличный альянс! Бенжи право…», «…очень бледен»…

Я зацепилась за это последнее замечание, с удивлением понимая, что новоявленный супруг уже не тащит меня, а, скорее, опирается на мою руку, и походка его из чеканной стала всё верней плыть из стороны в сторону.

Я высвободила ладонь из его пальцев, они ещё пытались рефлекторно схватиться за меня, как это делает любой лишившийся единственной опоры человек, но я тут же уверенно взяла его под локоть, чуть подправив крен в мою сторону плечом, и мужчина благодарно выдохнул.

Дальше мне было не до сплетен. Все силы уходили на то, чтобы не упасть – тащить на себе такую махину, производя впечатление торжественного дефиле, было весьма нелёгкой задачей. А супруг всё замедлялся и всё больше наваливался на меня.

– Что с вами, мессир? – вынужденно спросила я, не рассчитывая, впрочем, на ответ.

– Ущипните меня, – слабо донеслось в ответ сбоку.

Бог мой! Какие мы нежные… Невеста так отвратительна, что жених, не вынеся потрясения, пытается взять самоот-

вод? Так уже поздно вроде бы. Сам согласие из лица невесты выбивал, я это щеками до сих пор чувствую. Или может, у него сердце от возраста уже слабое, при пяти любовницах-то беречься надо от потрясений, а я, как услужливо подсказала память, вчера и сегодня изволила выражать категорический протест против, цитирую: «насильственных уз и ненавистного брака». Почему в моей памяти это были два разных понятия, я пока не знала, а вот как забаррикадировалась в комнате, помнила прекрасно, равно как и разбившееся в дребезги окно, которое мой нынешний благоверный разнёс в щепки, чудом не зацепив меня саму. Он ещё тогда меня за ухо к папеньке из комнаты выволок, чтобы я впредь не обещала сотворить что-то страшное, а лучше бы уж сразу сотворяла, и не доводила бы родителя до грудной жабы, – это были его, супруга, слова, кстати.

Собственно, наверное, поэтому я без зазрения совести его ущипнула. Ну как ущипнула – болевую точку на кисти нашла. Заодно и в чувство должен был прийти, а то тащить этого престарелого лося сил совсем уже не осталось. Да и жарко мне было в этой чадре, поэтому я, наплевав на возможные здешние устои, решительно откинула назад полотно, покрывающее мою голову.

Не знаю, какой именно из трюков сработал, точка болевая или моё ненавистное для супруга лицо, но жених, то есть, муж, рывком выпрямился и побежал. И бог бы с ним, бежал бы себе дальше, только на прицепе он тащил с собой и меня.

А я в тяжеленных красных тряпках. И в каблуках, будь они не ладны.

С грохотом распахнув двери, мы вырвались на крыльцо местной обители какого-то культа и ослеплённые светом весеннего дня остановились. Между прочим, слава богу! Потому что впереди была высоченная лестница вниз, а за нею приличного такого размера толпа. И толпа ликовала.

Мысленно одёрнув себя: «Спокойно, Руслана!», я прислушалась и тайком огляделась. Денег им что ли за вопли дают? Или еды? Выглядело это волнующееся море людей весьма устрашающе. Вы видели когда-нибудь толпу, пребывающих в радостном экстазе людей? Это заразительно и страшно. И то, что радость может смениться ненавистью в одно мгновение, я понимала прекрасно. И никакие стражи с бутафорскими алебардами, стоящие по сторонам усыпанной зерном и цветами дорожки, меня не успокаивали ни на мгновенье. Да и здоровенная лестница, ведущая вниз одновременно в трёх направлениях тоже…

Мы переглянулись с супругом и шагнули в разные стороны, и я уже облегчённо выдыхала, когда муж опомнился и схватил мою и так сдавленную кольцом руку. Боль вспыхнула внезапным ярким пожаром и разлилась по всему телу пульсирующим огнём, будто мало мне было других потрясений.

Как спустились вниз, почти не помню. Перед глазами пылали цветные круги, и вся выдержка ушла на то, чтобы не

орать и не выпустить из глаз слёзы. Я только покрепче стискивала зубы, да широко улыбалась, отчего стоящие в первом ряду на нашем пути горожанки отшатывались и делали в мою сторону странный жест. Оставалось надеяться, что это не было проклятьем. Потому что, судя по реакции окружающих, проклинать это юное тело, в котором я так некстати оказалась, было уже совершенно нЕчем, природа, похоже, и сама обо всём позаботилась … Ну да ладно. Как говорится: «Не увидел – не берись, а увидел – не дерись», надо сначала посмотреть своей физиономии в глаза, а там будем думать, что с ней делать и как с ней дальше жить. Сейчас лишь бы не разрыдаться. И выжить.

Эрд Тааль улыбался не менее кровожадно, чем я, и помахивал, слегка притихшей толпе раскрытой ладонью. Ручаюсь, эта свадьба войдёт в анналы этого города, как самая зубастая в истории. А сейчас нас с моим полувменяемым супругом буквально грузили в украшенный цветами и лентами экипаж двое лакеев.

И всё было бы хорошо, если бы за мгновенье до того, как за нами захлопнулась дверь, из моих глаз всё-таки не полились слезы.

Причем, лились они таким потоком, что я всерьёз начала опасаться за здоровье этого молодого организма. Было больно, конечно, но не настолько, чтобы вот прям рыдать. Ну подумайте, чего ради умываться слезами девице активно фертильного возраста только что заполучившей не самого худ-

шего мужика в спутники жизни? А учитывая наш с потерпевшей фасад, партия вообще была более, чем удачной.

– Эмеральд, – раздражённо выплюнул мой нежеланный супруг, – Дотерпите до дома. Там хоть в голос обревитесь, хоть потоп…

– Что это? – с трудом просипела чужим, пока не знакомым мне голосом я и ткнула в муженька многострадальным пальцем.

Нет, мне, благодаря вспышкам памяти, было прекрасно известно, что, но хотелось, чтобы супруг подтвердил или опроверг. Да и убедиться в том, что муж мой первостатейная сволочь, как напоминала моя вторая память, тоже было бы очень не лишним. Потому что картинка в моей голове пока складываться не желала.

Груб был? Был. На свадьбе и перед ней терпелив и внимателен не был? Не был. Ну сволочь же, о чём тут говорить? Ребёнку угрожал? Угрожал. Вообще ювеналки на него не хватает. Хотя справедливости ради, стоит ещё разобраться, за что именно угрожал-то.

– Кольцо ваше фамильное, что же еще? – буркнул супруг и отвернулся к окошку.

– Болит так почему? – просипела с трудом. – Рука… сейчас отвалился… – и слёзы хлынули из моих глаз бесконечным потоком снова.

– Откуда мне знать? Это же ваше кольцо, – рявкнул супруг, безумно сверкая глазами. – У батюшки лучше спроси-

те.

– Вы же сами сказали, что он сбежааал, – прорыдала опять.

И тут, будто мне мало было ослепляющей боли, память выбросила очередную порцию воспоминаний, и я свою нынешнюю симбионтку прям зауважала.

То, что красный цвет платья символизировал чистоту и кровь, которую девушке предстояло пролить, было непривычно, но объяснимо. А вот кольцо, которое означало отказ от своих собственных желаний и принятие желаний и устремлений супруга, как своих собственных, отныне и навсегда, откровенно пугало. Потому что тот, кто имел яркую и заветную мечту, вынужден был пройти через адские муки, борясь с артефактом. И только если мечта для женщины была важнее всякой боли, кольцо не выдерживало сопротивления и спадало само, что означало или расторжение брака, или принятие супруга в семью женщины и уважение им права женщины на её мечту.

Каких-то принципиальных и тем более запредельных мечтаний я, в силу возраста, давно не имела. Так, планы какие-то, текущие необходимые хочухи, типа дивана в большую комнату. Но чтоб вот настолько сопротивляться обрушившейся на меня внезапно судьбе? Да я ещё даже не до конца осознала сам факт, что где-то тут очутилась, и даже домой ещё толком хотеть не начала. Потому что воспринимала всё происходящее в порядке забавного, сомнабуличе-

ского бреда. А тут такие мучения сразу. Чего ж ты так хотела, девочка? И почему от нашего(!) фамильного кольца руки болят у меня, а не у супруга?

– Ну сбежал, не сбежал, а видеть вас он, похоже, не очень-то хотел, – раздражённо откликнулся Тааль. – Прекратите истерику. Я вам вчера ещё сказал, что все ваши выходки уже не имеют смысла. Я не ваш отец. Я подобного не потерплю! Вам это прекрасно известно.

– И что же вы сделаете, позвольте узнать? – сквозь вспышки боли поинтересовалась я.

– Не переживайте. Вам это точно не понравится.

– Я не переживаю, я вас… – чуть было не выкрикнула "Ненавижу!", но это были бы совершенно точно не мои слова, поэтому просто едко закончила: – Видеть вас не могу

– Это взаимно, – хрипло заверил меня наш с девочкой Эмеральд супруг и, повернувшись ко мне мокрым от пота лицом, наглейшим образом сполз в обморок.

Вот… потрясающе просто…

Но, кстати сказать, рука болеть стала куда меньше. А через пару минут всё и вовсе почти прошло, да так, что я сильно заволновалась, не преставился ли супруг вовсе.

– Э-эй! – я осторожно похлопала мужа по щеке. Ну а что? В совместной жизни все поровну должно быть. Он мне по щекам, я ему. Поэтому лупить по морде, так от чистого сердца. – Хер Тааль, или как вас та-ам? Отзовитесь!

Мужчина не то что в себя не пришёл, а побелел ещё

страшнее. Теперь я напугалась в самом деле и размахнулась так, чтоб попасть ему кольцом прямо в заострившуюся скулу. Ну и неудачно выпирающий на пути моей оплеухи прямой, длинный нос слегка пострадал тоже. Но это ненамеренно уже получилось.

Мужчина тихо застонал, а потом попытался подняться.

– Да лежите уже, несносный вы человек! Вам меня ещё до дома довезти надо!

– Убийственная логика… И, судя по всему… – он попробовал потрогать языком щеку, отчего лицо его болезненно скривилось, – удар левой. Признайтесь, вы хотели сломать мне нос.

– Господь с вами, как я могла? Зачем уродовать такие выдающиеся части тела? Откуда мне знать, может у вас кроме него и выдаваться-то больше нечему… – по привычке, как студентам, ляпнула, что взбрело в голову я, и в панике закрыла рот обеими руками.

С опаской проследив, как лицо мужчины из бело-зелёного становится красно-фиолетовым, я осторожно, без резких движений сдвинулась в угол и примирительно произнесла:

– Да ладно вам переживать-то. С вашим опытом и сердцем вообще нельзя…

– Что с моим сердцем? – просипел мой недокалечный муж, пытаясь ловить воздух ртом.

– Ну вот видите! Воздуха уже не хватает. Лежите уж. – Я потянулась к окну и отдёрнула шторку. Тут нашу нена-

дёжную повозку тряхнуло, и супруг опять сквозь зубы застонал. Я внимательно посмотрела мужчине в лицо, и мой взгляд зацепился за алое пятно, показавшееся под сбившимися кружевами на его груди. Так вон оно что… Обморок, звериный оскал, шатание в храме, безумные эти кружева… Это не китч, это маскировка!

– За что вас так? – нахмурилась я, раздумывая, насколько может быть опасным это свежее ранение, и как долго супруг с ним протянет. Заметила попутно, как боль в руке возвращается горячими, пульсирующими уколами и закусила губу аж до крови.

– Вам незачем знать, – просипел муж, опять предпринимая попытку подняться, которая ему почти удалась. – Меня больше беспокоит, что произошло с вами? – выдавил он сквозь зубы, и я чуть-чуть напряглась. Потому что, в чём именно я прокололась, было пока непонятно. Вот осторожненько и ответила:

– Да то же самое, что и с вами?

Муж хмыкнул и строго приказал:

– Не лгите, Эмеральд! Всё равно делать этого не умеете. И так погрязли во лжи! Бесстыжая вы девчонка!

Фрагменты памяти во мне возмутились, а я сама сильно напряглась. Похоже, до того момента, как Пахрачёв разберётся, как вернуть меня обратно, мне предстоит прилично наприключаться тут. А в том, что Сашка разберётся, я нисколько не сомневалась. Всё-таки мой аспирант заслуженно

считался гением. Главное, чтоб меня тут на кол не посадили или не сожгли ненароком. Ляпну ведь что-нибудь вопиющее случайно, типа Земли вокруг Солнца, а они вон люди впечатлительные, они и расстроиться могут.

Поэтому я не придумала ничего лучше, чем отвернуться к окну. Сыграла обиженную девчонку, в общем, буде повод был прекрасный.

Муж, к счастью, разговор продолжать и не собирался, только всё вернее сползал вниз на сиденье и заваливался к другому окну. Так мы и ехали. Со свадьбы. Вероятно помирающий супруг в одном углу кареты, я, «как спелая ягода, в красном», в другом. И смотрели при этом каждый в своё зашторенное окно.

Просто мечта, а не свадьба. Обидно даже. Хотя бы потому, что своей у меня так никогда и не случилось. Теперь вот и чужой насладиться не вышло.

Глава 2

Честно говоря, прямо сейчас меня волновала совсем не показушное это венчание, или как там у них это зовётся? И даже не кольцо, боль от которого слегка притупилась, наверное, оттого, что муж находился где-то в середине пути от полуобморока к глубокому забытью. Нет, меня волновало совершенно не это.

Если я оказалась сейчас здесь, в этом юном и, очевидно, не очень красивом теле, к тому же, помню почти всё, что помнила до моего появления его хозяйка, да и трудностей с речью тоже не было никаких, значит ли это, что в моём теле, куда, скорее всего, попала она, моя память тоже сохранилась в полном объёме?

Меня больше всего беспокоила сессия. Зачёты начинались в следующий понедельник, а экзамены через три недели. И командировка в Чили меня тревожила тоже очень сильно. Шанс поработать там и поучаствовать в объединённом проекте был уникален, и упускать его было категорически нельзя.

Да и Сашку с собой взять действительно было надо. С ним я козу включала, скорее, по привычке и чтоб на шею не сел. Толковый мальчишка. Нравился мне очень. Светлый такой. Я уже почти договорилась на счёт него в Атакаме. Оставалось сделать только один звонок, а вот его-то я, то есть, она

как раз могла упустить. Не знаю, вспомнит ли Эмеральд своим детским мозгом, как это важно. Буду очень надеяться, что вспомнит. Во всяком случае, яростные лучи напоминаний об этом я слала в направлении моего привычного воплощения каждые десять минут. Как бы она меня в дурку не загремела со страху-то. Это будет номер…

И Булкин, он, когда нервничает, у него давление резко скакнуть может. Кратковременно, но это и страшно, потому что засечь и диагностировать приступ почти невозможно. И если его шуточками и подколами не отвлекать, вообще коллапсировать может. Страшно. Вряд ли она сообразит. Ох, бедные дети, напугаются ещё больше…

Слава богу, мои приедут не раньше середины июля. А то и позднее. Ещё вчера я этому огорчалась, а теперь вот облегчённо выдыхала. Они знают меня, как облупленную всю. Каждый мой жест, каждую интонацию, предсказывают каждое сказанное мною слово. Я и мои близнецы – мы, как кратная звёздная система. Сначала они вращались вокруг меня, Теперь я вокруг них, по очень вытянутой и далёкой орбите. Но любое, даже незначительное изменение они заметят наверняка, это точно. Даже предполагать не берусь, как они переживут это моё сомнительное приключение…

Наш экипаж снова немного тряхнуло, и супруг неожиданно подал голос:

– Вы могли бы спокойно и достойно жить здесь, в столице. Могли бы заниматься чем-то, что подобает приличной

замужней юной лерне. Но вы сами… сами причина всего, что с вами произошло, – он сдержанно вдохнул и осторожно выдохнул. – Вы постараетесь родить мне сына, это в ваших интересах, – спокойно договорил он, не открывая глаз, – А потом катитесь к дьяволу или куда пожелаете. Я держать вас не стану. Но с этого момента больше без всех этих ваших шуток. Иначе обязательства перед вашим папенькой меня не остановят.

– Почему сына? – спросила я, по моему мнению, совершенно очевидное, – А если дочь? Что, на цепь посадите, пока сын не получится?

Муж недоумённо распахнул глаза. Я на это только плечами пожала. У меня соседка по этажу четвёртый раз уже за сыном пошла. И, кажется, опять с отрицательным результатом. То есть, с положительным, но опять не с той хромосомой. Очень целеустремлённые люди, большое уважение во мне вызывают. Хотя после третьего ребёнка, по-моему, вообще неважно, сколько и каких детей в доме. Лишь бы здоровые.

– Зависит от вас, – нахмурившись, проговорил муж. – У вас есть год, чтобы с этой мыслью смириться.

– Почему именно год?

– Потому что! – буркнул он раздражёно и, поморщившись, снова прикрыл глаза.

Очень содержательный аргумент, чего уж! Но тем лучше. Год. Это одновременно радует и до колик за рёбрами пугает.

Год здесь, чёрте где. Одной. И даже, как выяснилось, здешний муж и папенька от меня отказались. Что ж эта Эмеральд за зверёк-то такой, так доведшая всех до ручки? Память решительно всё отрицала, убеждая, что вот он тиран и разрушитель мечтаний передо мной, напротив, а угнетатель и деспот скрывается в недоступном сейчас для нас месте. И капец ему, если мы до него доберусь. А мы, значит, агнец, жертва и воздушная нимфа в одном лице.

Интересно… Ох! Я уже о себе во множественном числе начала. Надеюсь, это обратимо.

– Что я буду делать весь этот год?

– Жить в поместье с моей тёткой.

– С тёткой? – с подозрением поинтересовалась я, отчётливо осознавая какое-то несоответствие между моим супругом и словом «тётка».

Муж хмыкнул и так же, не глядя на меня, заверил:

– Вас это не должно заботить. Называйте её как угодно. С дуэньей. И, спешу предупредить, – он брезгливо поморщился, как тогда, в храме, – договориться с ней не удастся. Поэтому, даже не надейтесь повторить ваш трюк с конюхом. Приеду и всыплю плетей, как простой дворовой девке. – За его словами отчётливо слышалось «И ничто тебя больше не спасёт», – Хоть это и не доставит мне никакого удовольствия. Скорее напротив. – Он снова поморщился, только неясно было от перспективы лупить девчонку в моём лице или от боли.

В голове промелькнуло чужими мыслями, что даже ради его испорченного досуга это стоило бы сделать, и тут же добавило отвратительную картину лапающего меня, вернее, Эми, какого-то мужика. А так как память была от первого лица, то ощущалось и виделось, будто лапали меня самое. И это было омерзительно. Что характерно, и в моём восприятии, и в её.

Мне хотелось подробностей этого драматического водевиля, чтобы оценить невосполнимый ущерб и реорганизовать восполнимый, но экипаж неожиданно замедлился, а потом и вовсе остановился, и я приготовилась к неизбежному – столкновению с новой действительностью. Пилотное мгновение у храма не считается, оно было слишком коротким, чтобы хоть что-нибудь сообразить. И слишком сильна тогда была боль в руке, чтобы хоть что-то обдумать.

Кстати, о боли. Я посмотрела на палец – он по-прежнему был при мне, как и кольцо, странно мерцающее поверх красной перчатки. Но единственным ощущением, которое я испытывала сейчас, была тяжесть от непривычки. И всё. Что это могло означать, я совершенно не понимала. Причём, кажется, не только я.

Вопросы, вопросы…

Ладно. Пусть всё случается по порядку. Не буду бежать впереди скаковой кобылы. Пойду степенно, как дряхлый, натруженный мерин, к тому же, это соответствовало мне куда больше.

Дверь, защищающая нас от мира, неожиданно распахнулась, чтобы смениться счастливо сияющим незнакомым мне и девчонке лицом, которое немедленно испуганно вытянулось, и дверь опять со звонким треском закрылась.

– Лучше накиньте тавир[2] обратно, – равнодушно посоветовал супруг и легко выскочил вон, будто и не валялся тут только что в углу на сиденье.

Боже ж ты мой, да что ж с этой девочкой такого жуткого, что люди спасаются бегством от страха?

Накинуть это плотное красное покрывало не помешало бы, но тогда я не смогла бы осмотреться. А мне это требовалось очень. Поэтому я без стеснения приняла мужескую ладонь и шагнула в ярко сияющий иномирный день без страха.

– А кто это у нас тут прие…

– Совет, да… – затухло очередное счастливое восклицание, пока я с живейшим интересом разглядывала всё вокруг. Это было не поместье, что означало, что переезд ждал меня впереди. Это, скорее всего, был городской дом: три этажа, сложенные из крупного, светлого камня, подъездная дорожка из крошева почти белого щебня, острые стрелы кипарисов и круглые шапочки молодых пиний, раскинувшиеся впереди, окружали приветливое гнездо моего мрачного супруга. Виденье – мечта, усыпляющее бдительность, но расслаб-

---

[2] Тавир – свадебное ритуальное покрывало, призванное защитить невесту от чужих взглядов. Так как считается, что женщина в этот момент очень уязвима перед чужими мыслями и взглядами.

ляться как раз было не время.

– Да что ж вы! – взъярился высокий женский голос. – Счастья тебе, отец наш и супруге твоей. А это всё… ерунда всё. Подсобим, чай с руками.

Заявление меня насторожило. Доверяться чужим, незнакомым с гигиеной рукам было страшно и неумно. Поэтому я подарила, украшенной рюшами милой женщине жалобно-благодарный взгляд и поспешила за тяжело волочащим ноги мужем вперёд, к дому. Эрд Тааль едва заметно цеплял носами ботинок белёсую крошку дорожки, отчего те мгновенно покрылись плотной светлой пылью, а шедший следом за нами красивый мужчина с длинными волосами, убранными в роскошный низкий хвост, который встретил нас у кареты, шепнул что-то ему на ухо и умело подставил плечо.

Этот новый персонаж был лет на десять-пятнадцать моложе супруга, однако, тоже широк в плечах и узок в остальных стратегически важных частях тела и к разящей ухмылке имел чуть заметную, коротко сверкнувшую серьгу в ухе, а ещё массивный перстень, отдалённо похожий на мой. Только не на левой руке, а на другой.

Что-то болезненное всколыхнулось, то ли в собственной моей душе, то ли в памяти моего нынешнего тела, но я, увлечённая жизненно важным изучением окружающей обстановки, отмахнулась от ощущений, как от несущественных и, определяя навскидку север-юг и положение и класс светил на небосводе, постаралась не слишком замедлиться и не от-

стать от остальных.

А то не ровен час, подумают, что я пытаюсь осмотреться к побегу. А я пытаюсь! Поэтому, улыбаемся, с умилением смотрим на птичек-бабочек и придурковато киваем на все встреченные взгляды. Надеюсь, это сочетается с внешним видом невесты.

Домик эрда, хоть и был, как у настоящего поросёнка, сложен из камня, снаружи производил впечатление легкомысленного будуара – дома для свиданий с той самой любовницей, то бишь. А вот внутри всё оказалось совсем не так.

Нет, камни никуда не делись. Напротив. Попав внутрь дома, я сделала рефлекторный шаг назад, потому что после слепящего солнца здесь не было видно не зги. И холодно, хоть и пахло аппетитной сдобой и печёными яблоками. Как в таком уютном на вид и на нюх доме могло быть так холодно, будто внизу был открытый ледник, я не представляла. Кто-то вежливый аккуратно придержал меня за локоть и настойчиво подтолкнул вперёд. Мне ничего не оставалось, как шагнуть дальше…

– В Кабинет, – слабо махнул куда-то вглубь не очень дружелюбного пространства мой готовый преставиться муж.

Уж не знаю, как он до сих пор держался на ногах, во всяком случае, пышное кружево под его парадным камзолом уже насквозь пропиталось кровью. Это что же за рана там у него такая и, где он её смог получить? Это перед свадьбой-то? Потому что память о предыдущем вечере услуж-

ливо выдавала мне то папеньку с перекошенным и бледным лицом, то супруга со злыми глазами, но без видимых повреждений.

Меня повели мимо огромных окон, выходящих в сад, и почти одинаковых закрытых дверей, я насчитала их больше десятка. Наконец, когда умопомрачительные запахи выпечки, встретившие нас при входе в особняк, исчезли, передо мной распахнули дверь, такую же, как все остальные, и пригласили войти. Так я оказалась, собственно, в кабинете.

– Оставь нас, – бросил супруг сопровождавшему нас красавцу, тому самому, у которого было похожее на моё кольцо, и почти свалился в кресло.

– Позову лекаря, – нахмурился смазливый молодчик, покидая комнату, а эрд попытался непринуждённо закинуть ногу на ногу, но ничуть в этом не преуспел – нога всё время соскальзывала, громко стукая металлической набойкой сапога об пол, отчего эрд морщился, да сжимал побелевшими пальцами подлокотники.

– Там, на столе, – наконец сдавленно произнёс он. – Вы должны подтвердить, – он откинулся на спинку низкого кресла, одновременно пытаясь как-то пристроить торчащие острыми коленками вверх длинные, тощие ноги и внимательно наблюдать за мной, но его лицо становилось всё более и более отрешённым. – Просто прочтите и приложите руку, – раздражённо пояснил, заметив мой недоумевающий взгляд, и прикрыл глаза, по-видимому, совсем обессилев.

Ну ладно. Прочитать этот документ будет ни в коем случаем не лишним. Надо хоть знать, чего от меня ожидают. Я подошла к широкому чёрному столу и осторожно вгляделась в желтоватый листок, потому что дотрагиваться до него я совершенно точно не собиралась.

Ровные строчки сами собой сложились в слова в моей голове, и я с удивлением обнаружила в них подробный брачный контракт сроком на пять лет. Пф, и всего-то? Было бы из-за чего устаивать столько шума.

Согласно этому документу я, то есть Эмеральд Моренье, обязалась со всем возможным рвением и прилежанием исполнять обязанности жены и постараться родить эрду Шарлю Таалю, последнему графу восточного и северного Эстера, наследника или наследницу. В случае успешного разрешения ребенком к Эмеральд Тааль в девичестве Моренье переходил замок и земли в восточных владениях эрда Тааля с пожизненной рентой в две с половиной тысячи соримов в год, а так же возможность проживания с ребёнком или детьми в любом из не столичных домов эрда на выбор, но только в том случае и до тех пор, пока она является его супругой.

В случае отсутствия желаемого результата и невозможности принести эрду наследника по независящим от неё причинам, Эмеральд Моренье возвращалась в семью отца Бенжамина Моренье со всем приданным и получала компенсацию от эрда Тааля за безвозвратно утраченную молодость и невинность. Если только у сторон не возникнет желания

продлить действие договора или заключить новый.

Эмеральд так же при любом из возможных исходов получает пожизненный, но не наследуемый титул графини Тааль, а в случае гибели эрда во время действия договора, не может претендовать на земли графа, которые отойдут Женель Корбин (это ещё кто такая?), признанной Тааль… со всеми долгами, точнее, там было написано «с обязательствами». Но мы-то понимаем, о каких именно обязательствах могла идти речь. Мессир Шарль подстраховался. Чтобы у супруги соблазна не возникло ненароком его придушить.

Этот пункт контракта, больше похожий на завещание и предостережение, вызывал вопросы, но по-своему был очень разумным. Тут я взглянула на полудохлого эрда с уважением. Если все прежние контракты были составлены таким же вот образом, то нет ничего удивительного в том, что его сиятельство Шарль Тааль остался без гроша в кармане.

Муж наблюдал за мной пристально и недобро.

– Приложите руку, – тихо прокомментировал моё замешательство супруг. Видать, совсем плохо человеку, хоть он и целый эрд.

– Не подумаю, – отказалась я. Только подтверждения иномирных договоров мне сейчас для полного счастья и не хватало.

На лице мужчины отчётливо обозначились желваки, он прикрыл глаза и пару раз осторожно вздохнул. Считает до пяти, прикинула я, а эрд со мной неожиданно согласился:

– Хорошо. Тогда я сам, – и начал подниматься из кресла.

Не скажу, что угроза меня впечатлила, всё-таки муж на ногах держался не слишком надёжно, но насторожиться заставила.

– Вот скажите, вам этот ребёнок, – показала я на себя, – нужен только как инкубатор и вливание денег в ваши не слишком удачные проекты? А что если ничего не получится? Что если она, то есть, я, рожу вам дочь? Или вообще не смогу от вас забеременеть за этот срок? Что если вы останетесь в этот раз вовсе без денег? Вы хотите это компенсировать сомнительным титулом и…

– Да что вам не нравится-то?! – слабо воскликнул заметно бледнеющий эрд. – Там ваши интересы учитываются куда очевидней моих! Ваш отец предусмотрел всё, что мог, а что не мог, обезопасил так, что не придраться! Если бы вы вчера не выкинули этот финт, он бы сам вам обо всём рассказал! Подписывайте! Это нужно не мне!

Я сделала незаметный шаг к двери, потому что подписывать что бы то ни было по-прежнему не собиралась, потом ещё один, не упуская помирающего последнего графа Восточного и Северного Эстера из виду. Впрочем, помирал он как-то не слишком охотно, потому что вид, с которым он двинулся в мою сторону, был очень угрожающим. Как минимум поркой, которую он обещал мне у алтаря.

Но тут супруг мой окончательно побелел и со страшным грохотом рухнул на пол прямо там, где в этот момент на-

ходился, а именно, между столом и креслом. И тут бы мне воспользоваться моментом и по-тихому сбежать, но нет же, предательские ноги сами понесли меня к этому дурацкому окровавленному Таалю.

Я скинула на пол тяжёлую накидку, которую муж назвал тавир, и которая по виду больше напоминала ковёр-самолёт, чем свадебное украшение невесты, и сдёрнула жуткие красные перчатки. Они неожиданно легко проскочили через кольцо. Моргнула пару раз и тряхнула головой, но нет, мне не показалось – кольцо крепко держалось на пальце, а перчатки валялись на полу целёхонькие.

Ладно. Неважно. Я опустилась на колени рядом со свалившимся муженьком. Он дышал чуть заметно, лицо его было мокрым и бледным, а окровавленные пышные фалды на груди, выглядывающие из-под жилетки, вызывали естественный ужас.

Я чертыхалась на всех известных мне языках, когда расстёгивала на нём безнадёжно испорченную рубашку, когда вытаскивала из камзола его руки, бубнила что-то про то, что спасение умирающих, вообще-то дело рук самих умирающих. А воспитанные, приличные люди вообще делают это тихо, без лишней помпы, чтобы не смущать окружающих и не доставлять им лишних хлопот. Но супруг поддержать разговор отказался и с поистине смертельным спокойствием меня игнорировал и включаться отказывался, даже, когда я полностью обнажила его грудь в попытке рассмотреть, что

же там с ним случилось такое?

На широкой и очень мужественной груди Шарля Тааля был длинный порез, пересекавший её наискось почти от левой ключицы, через грудину, да так, что мышцы, закрывавшие рёбра были рассечены до самой кости.

– Это где же ты так подставился, дорогой мой, и подо что? – пробормотала, соображая, что сейчас надо скорее с ним сделать и поскорее?

Я окинула быстрым взглядом кабинет в поисках бутылки со спиртным, увидела искомое в шкафу в простенке между окнами и, быстро оторвав от нижней юбки приличный кусок ткани, опрокинула содержимое, по запаху напоминавшее то ли виски, то ли самогон, прямо на красное месиво на груди эрда. Попыталась хоть как-то стянуть скользкие от крови и алкоголя, воспалённые края раны, облив предварительно и свои руки, но, по-моему, только заставила своими неловкими действиями эрда очнуться – он тихо застонал и рвано выдохнул.

– Что… вы делаете? – попытался дёрнуться он, но я опять, как и в храме, нашла точку у него на кисти руки, чтобы облегчить боль и с чувством на неё нажала. Супруг шумно втянул воздух через стиснутые зубы. – Вы не помогаете, а наоборот! – уже нормальным голосом обвинил меня благоверный.

– Ещё как помогаю, – сказала, прижимая к его груди широкие ленты из обрывков моей нижней юбки. – Вот видите,

уже не так и больно, – Он ничего не ответил, только следил за мной странным взглядом. – Бесы! Ну где же этот лекарь! – в отчаянии произнесла я прямо перед тем, как дверь открылась и в комнату спешно вошёл юркий, маленький человек с чемоданчиком и две запыхавшиеся девицы, которые несли одна таз с парящей водой, другая чистые полотенца и тряпки.

Фух, отлично. Я что могла, уже навредила, похоже… Дальше тут и без меня разберутся.

– Ну вот, вы и в надёжных руках, – беспечно похлопала супруга по груди я, поправляя обрывки своей нижней юбки, отчего лицо эрда утратило всё человеческое, а рот скривился в ужасающей гримасе.

– Неплохо, неплохо, – бормотал персонаж с кожаным кофром, заглядывая под прикрывающее порез на груди эрда тряпьё, – Но абсолютно бессмысленно. Дайте-ка мне огня и нож, – повернулся он к горничным, – а ещё принесите чёрной бесминской соли.

Красавец-мужчина, зашедший в кабинет следом за маленьким человечком и горничными с тряпьём, недовольно скривился и остановился рядом со мной, да так близко, что я занервничала и задёргалась.

– А говорила, что даже пальцем его не коснёшься, – незаметно прошептал он мне на ухо, когда внимание всех остальных было занято эрдом.

Я вздрогнула то ли от неожиданности, то ли оттого, что в груди от его слов слабо кольнуло. Передёрнула плечами, не

имея понятия, как ответить и постаралась не сбиться с мысли, которую собиралась высказать тому, кто будет заниматься раной:

– Клинок, скорее всего, был отравлен, – негромко произнесла я. – Порез поверхностный, а он истекает кровью…

– Разумеется, – пробормотал странный целитель, прокаливая нож над свечой и намеревающийся лечить раны солью,. – Дурное заклятье. Неприятное. Но, слава Вечным, обратимое.

– Обра… тимое? – растерянно повторила я. Заклятье? Только этого ещё не хватало…

Мужчины, как один, посмотрели на меня с укором.

– Разумеется. На смертельное у кого сил сейчас хватит? – держа над пламенем спиртовой лампы длинный, тонкий клинок, негромко говорил маленький человек, – А необратимое на той неделе у нас было. Целое стадо коров под заклятьем вечной жажды в реке утопло. Так это так уж сложилось. Не успели, то есть, обратить. А так-то обычно почти всегда успеваем. Вот и сейчас, если соль быстро найдут. У меня как раз кончилась, – продолжал профессионально отвлекать внимание болтовнёй от своих устрашающих приготовлений целитель, и я с тревогой посмотрела на стоящего рядом длинноволосого мачо с серьгой.

Он облокотился на то самое эрдово кресло, и демонстративно рассматривал меня с головы до ног, вскинув бровь. Это я что сейчас, занервничать под этим взглядом должна,

что ли? Я тоже так посмотреть вообще-то могу. И не так ещё даже. На-ка вот! Что это у нас вторая бровка на лоб поползла? Ничего, привыкайте. Это не только мне с вами теперь жить. Это ещё и вам со мной как-то придётся тоже.

Тем временем, целитель закончил коптить нож и со словами: – Рекомендую женщинам выйти, – одним уверенным движением просто провел по краям раны, да так, что они зашипели. По комнате разлился удушающий запах палённой плоти, и эрд не сразу, но всё-таки закричал. Железный мужик просто. Даже страшно за таким замужем оказаться.

В этот момент в дверях показалась всклокоченная служанка с тряпицей в руках, которая, с трудом дыша, пробормотала:

– Чёрная соль, сколько смогли…

– Хорошо-хорошо. Сейчас уж всё и отпустит, – успокоил кого-то из нас целитель и растворил в воде всего одну крупицу соли. Вода от этого мгновенно почернела, а потом опять стала прозрачной. Тогда он смочил в ней длинный кусок бинта и положил на эрдов порез.

– Вот и всё, дальше всё как с обычной раной. За неделю пройдёт. Только вы уж не ждите от супруга сейчас каких-то невероятных подвигов, милочка. Ему нужно будет восстановиться. Всё же такие воздействия значительно нарушают целостность всей тонкой оболочки. Поэтому дайте ему хотя бы неделю, а лучше месяц, и не попрекайте супружеским долгом. Понимаю, свадьба, но уж такие дела, да… В общем, я не

рекомендовал бы, – он пристально посмотрел на моего раскроенного каким-то зловредным предметом супруга, – здоровье важнее.

– Да-да, конечно, я всё понимаю, – скорбно проговорила я. – В его возрасте и с его-то сердцем…

– Что с его сердцем? – радостно вскинулся целитель, а супруг возмущённо попытался подняться.

– Лежите уж, – похлопала благоверного по бедру, отчего он явственно изменился в лице, которое стало из бесчувственного откровенно страшным. – Разбитое у вас сердце. Но ничего. Я не намерена вам мешать упиваться страданьем. Мучайтесь в своё удовольствие дальше. Вы только не помирайте раньше оговоренного срока, пожалуйста. А то нехорошо может получиться.

Эрд поперхнулся воздухом и попытался закашляться, но это у него не получилось, он только конвульсивно содрогался и тихонько стонал.

А парень у кресла и целитель подозрительно покраснели и быстро засобирались из комнаты вон.

Я так и не поняла, получилось у меня в образ попасть, или наоборот? В любом случае всё можно свалить на стресс от свадьбы и волнение за супруга.

– Эмеральд! Я же предупреждал, – угрожающе просипел муж, потому что сил на более громкое заявление превосходства у него просто не было. Но это и так прозвучало очень страшно. – Вам всего-то нужно завизировать договор. Без

вашей руки он попросту не будет действительным, и я не смогу вас защитить. А ваш отец УЖЕ не может, потому что формально вы теперь принадлежите мне, – и сам от этих слов скривился. Дела… – Чего вы ломаетесь? Я же обещал, что не трону вас и отправлю подальше, в именье. Вместо того, чтобы изображать сестру милосердия, лучше бы поставили визу!

Да уж конечно. Сначала деньги, потом первая помощь, так что ли? Умереть за мои капиталы согласен даже?

– Каков размер моего приданного? – спросила сухо.

Муж ответил не сразу. Но выдержав мой прямой, пристальный взгляд, ответил:

– Двести тысяч соримов золотом, и три незначительные предприятия. Отец ваш ничего не теряет в некотором случае, а я при умелых операциях получаю довольно. Мне выгоден этот контракт. Вашему отцу, как понимаете, тоже. Если вас это интересует.

Я мысленно присвистнула. Двести тысяч… Не знаю, сколько это, но золото, оно и в другом мире золото. То есть, приданного было достаточно и для эрда, и в случае развода, и для Эмеральд.

– Оно решит ваши настоящие денежные затруднения? – полусидевший Эрд привалился к столу и медленно кивнул. – А что потом? Когда срок контракта истечёт? Будете искать следующих охотников за титулом?

– В вас внезапно проснулась способность к конструктив-

ному диалогу? – усмехнулся Тааль.

– Нет, что вы, просто хочется выяснить, что меня ожидает после заточения в ссылке, – сказала, осматривая кабинет, на оформление которого прежде совсем не обратила внимания.

У эрда или того, кто обставлял кабинет, был отменный вкус. Мебель из тёмного морёного дуба с лёгкой патиной серебром очень гармонично вписывалась в бледно-голубое пространство. Стол стоял почти посередине комнаты, позади него высился внушительный стеллаж во всю стену с книгами и свитками. У стены напротив окна ютился секретер, на котором в беспорядке были разбросаны разного размера металлические перья, да какие-то бумаги. В нём были выдвинуты несколько ящичков, будто там что-то искали.

– Почему вы ни разу не спросили об этом раньше, когда ваш батюшка пытался вам это растолковать?

– Возможно, потому что он тоже не особенно желал меня слушать? – задумчиво поинтересовалась я, вернувшись взглядом назад, к секретеру и пытаясь разглядеть, что там привлекло моё внимание.

– Вы и не говорили толком ничего, а только истерили, да хлопали дверьми! Или и вовсе! Вели себя как дворовая девка! – едко выплюнул супруг.

– Ну, знаете! – Как с этим остолопом можно вести диалог, я понятия не имела. Да и Эмеральд, похоже, сделала всё, чтобы слушать её не захотели. – А сами вы? У вас рана на груди от вечернего чаепития?! Или, может, от чтения на ночь?!

Даже спрашивать не стану, кому и что вы читали! И так ясно! Вы дрались из-за женщины! – обвинила его я. Совершенно, между прочим, голословно. Просто пальцем в небо ткнула, а эрд прищурился и плотно сжал ноздри, – Ага! Вы даже не отрицаете! И это перед самой свадьбой! – Мне вдруг стало отчаянно обидно и больно, будто оскорбили меня саму, будто мой собственный новоявленный супруг явился с дуэли из-за другой бабы. Какой скандал! Будто мне самой предстояло теперь жить с нелюбимым и бесчестным человеком.

Боже мой, что это? Это во мне память Эмеральд говорит что ли? У девочки отняли мечту, конечно. Но это должно было происходить вокруг неё повсеместно. Зачем реагировать настолько остро? Мне вообще по максимуму от этого всего абстрагироваться нужно, а то так действительно можно сойти с ума. Потому что я в некоторые моменты начала теряться, где заканчиваюсь я, и начинается она… Как бы там ни было, её память и чувства виделись мне всё чётче и живее, и в браке с мужчиной старше её двадцать с лишним лет Эмеральд не видела ничего хорошего.

– Отправляйтесь наверх. И приведите себя в порядок, не позорьте меня перед гостями, – бесстрастно проговорил эрд и, неожиданно легко поднявшись с пола, недвусмысленно указал мне на дверь. – Обед через два часа.

Болван. Кто так с молодой женой разговаривает? Даже не слишком желанной. А у него тут ребёнок-подросток, можно сказать. Ничего удивительного, что они так и не смогли друг

друга услышать.

Определённо, обстановкой занимался не эрд. Создать такой уютный интерьер неподвластно кретинам, думала я, подхватывая своё красное покрывало и направляясь в сторону двери. Бросила последний взгляд на секретер и споткнулась. В одном из выдвинутых ящичков лежал окуляр! Даже не то, что лежал – небрежно валялся! Тот самый! Вернее не тот, а такой же, как тот, что, вероятно, отправил меня сюда. Он высовывался наружу узким краешком трубы и слегка поблёскивал розоватой линзой… Святой Хаббл[3] и весь пояс Койпера[4] в придачу! Я же… Мне же… Я должна во что бы то ни стало попасть сюда опять! Господи! Неужели? Я могу вернуться домой… Немыслимым усилием воли я заставила себя отвести от секретера взгляд. Мне нужна эта трубка! Боже мой! Это же реальный шанс!

Да и визу на эрдовом договоре я так и не поставила…

---

[3] Космический телескоп, орбитальная обсерватория, названная в честь Эдвина Хаббла. Здесь – название телескопа.

[4] Пояс Койпера – обширная область на окраине Солнечной системы. Это пространство, состоящее из малых объектов. Многие из них меньше Луны. Пояс расширяется за орбитой Нептуна и выглядит, как пончик: толстенький и круглый. Учёные считают Пояс Койпера родным домом комет. Там рождаются короткопериодические кометы. Период обращения которых менее 200 лет.

Глава 3

Дверь комнаты, которую для меня приготовили захлопнулась за спиной с характерным щелчком, я прислонилась к ней, совершенно обессилев, и выдохнула в голос. Я даже не сразу сообразила посмотреть по сторонам, не наблюдает ли за мной кто-нибудь ненароком, так велико было напряжение, в котором я все эти часы или минуты пребывала. Сколько, кстати, времени прошло? Я выглянула в громадное, в полный человеческий рост окно с высоким подоконником, чтобы убедиться – совсем немного. Солнце стояло в зените, и тени только-только тронулись на восток.

Я смотрела на маленький тенистый пруд с острыми перьями водяных цветов, на крепкие хозяйственные постройки, увитые лианами вьюна, на подъездную дорожку, которая отлично просматривалась отсюда, и массивную кованую ограду вдали оглушённая и ослеплённая жутчайшим пониманием: я тут застряла… Если меня не привела в чувство ни боль от кольца, которое, к слову, по-прежнему было на мне, ни ужасающий вид раненого Тааля, ни характерное ощущение голодной тошноты, значит, всё это не сон и не игра моего растревоженного учениками сознания, а самое, что ни на есть попаданство – бред, кошмар и ужас в одном флаконе.

Мне срочно требовалась эрдова труба, которую я разглядела в злосчастном кабинете, и план, как её оттуда достать!

Окно было высоко, и выбираться в него ночью было страшно, но, в принципе, возможно. Замок на двери вскрыть было нечем: в комнате имелась только скромного размера кровать, стул и небольшой круглый стол у окна с тонкой вазой на нём, и камин с грубой пыльной полкой; да и делать это средь бела дня было откровенным идиотизмом.

Я могла лишь предполагать, что Сашка привёз мне из поездки штукенцию, которая при нечаянной активации закинула меня сюда. Это, если дело действительно в трубке. А если не в ней? Я прикрыла горящие от сухости глаза и потёрла ноющую шею. Не знаю, чем занималась малышка этой ночью, но судя по жуткой скованности во всём теле, провела она её очень некомфортно.

Нужно было выяснить, что же так напугало челядь и людей перед храмом, и узнать, отчего так брезгливо морщился муж.

Ах, да, тот самый младший конюх, возникло в памяти неприятное виденье, и я тихо укоризненно произнесла:

– Эми, Эми…

Как отчётливо демонстрировала память, конюх был последним рывком в сопротивлении девчонки. На что надеялась моя предшественница, когда решительно предлагала трясущемуся парню себя в воняющем навозом тёмном сарае, где твёрдый черенок от чего-то грязного упирался ей в бок, а за шиворот с крыши сыпалась труха то ли соломы, то ли чего-то ещё, о чём она боялась и думать.

Она до последнего не была уверена, что этот красавец Рамиль спас её. Рамиль… Он Рамиль? Что-то тут было не так… Хотя спас, конечно. Потому что стоило ей только мельком припомнить этот её позор, как внутри всё содрогалось до тошнотворных спазмов и хотелось спрятаться от всего мира. Желательно навсегда.

Потому что длинноволосый красавец держался с ней с тех самых пор так брезгливо и холодно, что внутри у неё всё леденело. Потому что он не произнёс в её адрес до сегодняшнего дня больше ни звука, потому что больше ни разу на неё не взглянул, даже как на кучку мусора у дороги. И терпеть это было поистине невыносимо, так, что ей хотелось кричать и рвать зубами кожу на руках, лишь бы перебить это нестерпимое чувство, которое так сильно жгло изнутри, что казалось, сердце просто вытечет со слезами наружу.

И я даже подумала бы, что она была в него влюблена. Но…

Рамиль… Сводный братец. Тот, кто учил её читать, лазить по деревьям, драться, ездить верхом, оберегал от девических глупостей и гнева старенькой няни, но и всегда насмехался над ней и говорил, что она ничегошеньки на самом деле не стоит. Что вся её ценность лишь в том, чтобы составить удачную партию для какого-нибудь индюка и принести отцу новый титул или пару контрактов пожирнее.

Ну вот, похоже, этот блестящий момент настал.

И если бы только у неё хватило духу и смелости довести начатое до конца, возможно, прекрасно-ужасный эрд раздy-

мал бы на ней жениться, и она, наконец, обрела бы свободу. Ведь папенька понял бы тогда, на что ему пришлось толкнуть единственную дочь, и ни за что не стал бы упорствовать дальше.

Глупышка…

В итоге, свободу не обрела, а всеобщее порицание заслужила. И как теперь жить с этим позором, читая в каждом встреченном взгляде осуждение вперемешку с насмешкой? Ей не хотелось никак. Бедная крошка.

Чужие эти чувства вызывали в моей собственной душе смятение и живейший отклик. Потому что ощущались, как свои, но ум им противился и старался разложить их на мотивы и следствия. А юной леди, коей Эмеральд была до моего вторжения, разобраться со всей этой ситуацией, в которую она попала, было очень непросто.

Но следовало признать, она держалась в этом нелёгком испытании достойно. Настоящий борец. Может, там, у нас, у неё и есть шансы. В конце концов, она будет помнить меня так же, как помню её сейчас я. И, кстати, да! Пусть вспомнит про звонок на счёт Пахрачёва!

И на этой пламенной мысли у меня в голове всплыло отчаянное: «Бом-бе! Бо-омм-бе!», и толстый, пятнистый кулёк, вдохновенно облизывающий мой нос.

Ох ты ж! Дайте две, то есть пять! Оно, кажется, работает!

И если я всё правильно понимаю, девочка так же пытается мне передать что-то важное для неё самой. Очевидно, что

это собака. Это, конечно, совсем не то, о чём я сейчас бы мечтала, но… Налаживается жизнь-то! Налаживается! Догадаться бы только, как это недоразумение теперь разыскать. Именно собаки мне сейчас, конечно, очень и не хватало, нда…

Осталось найти зеркало и ужаснуться или уж и правда сразу руки на себя наложить. Или в отместку эрду родить ему отпрысков вот такого прям вида, которого сейчас узрею. Пусть пугается весь остаток жизни, что ли, размышляла я, неспешно осматривая комнату, где ни зеркал, ни чего-то хотя бы отдалённо похожего на них не было.

Я попробовала было вспомнить себя саму перед обрядом, но, видимо, девочка была в таком отчаянии, что в памяти отражались только её до белого стиснутые в кулачки пальцы, смазанные лица вокруг, пол и блаженное лицо священника, беззвучно шевелящего губами. А на заполошной мысли: «Это конец», её память заканчивалась и начиналась моя…

Так и не зная, чего особенно ожидать от жителей этого дома, я сама принялась стаскивать с себя по возможности те части платья, которые мне поддавались. Потому что тяжело и жарко было уже очень.

Первым делом я избавилась от туфель, которые на вид, несомненно, были прелестны, но по факту представляли из себя пыточные кандалы. Потом нащупала какие-то завязки под поясом по бокам и дёрнула за них. Верхняя юбка медленно и плавно сползла на пол, остановившись где-то

на уровне коленей. Вторая и третья последовали за ней так же неохотно. Наконец, после самой тонкой, четвёртой, когда я осталась в ворохе ткани в белых, коротеньких панталонах с нежным кружевом по краяю, совершенно не представляя, как теперь через всё это переступить, чтобы выбраться, дверь отворилась. В неё вошла монументальная женщина, держащая перед собой зеркало, и ахнула, остановившись напротив. Зеркало было не слишком большим, но достаточным, чтобы я смогла узреть в полный рост… чупа-чупс в огромной, красной обёртке…

Отражение демонстрировало нескладное недоразумение в белых чулках, коротеньких панталонах, ярко алом верхе от платья и абсолютно лысую голову, которая к этому всему прилагалась…

Странно, что уши не мёрзли, отстранённо подумала я.

Согласна, зрелище не из привычных… А как я через толпу такая шла… И мужу про выступающие части тела в экипаже на полном серьёзе вещала… Нда.

Я покрутила головой и так, и эдак. Особенный восторг вызывали, конечно же, длинные массивные серьги, которые делали мой вид запредельно нелепым.

Если бы не слишком юное лицо, образ вышел бы смелым и очень ярким, особенно, если сделать правильные акценты. Но тут, конечно, был полный провал. И я даже сочувствовала эрду и понимала сбежавшего родителя. Возможно, я бы тоже… Сбежала.

А так, почти детское лицо с любопытством вглядывалось в яркие серо-голубые глаза отражения и придирчиво рассматривало россыпь небольших, но приметных прыщей на физиономии. Эмеральд скоро должно было исполниться семнадцать. Возможно, именно поэтому брезгливо кривящийся эрд дал нам в распоряжение целый год. Не иначе как привести себя в порядок и перерасти остаточный этот пубертат.

В целом девочка выглядела, как все растущие подростки и щенки ещё лишённые взрослого изящества кости: недовытянувшийся скелет, слишком заметный, неоформившийся нос, крупный, совсем не кукольный рот, неразвитое женское тело… Сплошные «не». Что ж, добавим к нему ещё одно: скучно точно НЕ будет. А если учитывать пляску гормонов, плохое настроение и явное отсутствие взаимопонимания в семье, становилось очевидно, что девочке было в эти месяцы очень не сладко.

– Это вы зря, конечно, госпожа, – с коротким поклоном посетовала горничная, которая была куда больше похожа на гренадёра, которого непостижимым образом впихнули в платье, чем на служанку, и показала на мои ноги. – Теперь придётся стоять и ждать, когда я всё разберу. А так бы всё хоп-хоп и сняли.

Ни возражений, ни порицаний, ни ужаса от моего с ног сшибающего вида. Будто у них каждый день тут лысых девиц замуж выдают.

– Я вас сейчас переодену и опять это… унесу опять. А то

господин серчает. Не любят они этого.

Это она про зеркало что ли?

– Почему не любит? – осторожно поинтересовалась я.

– Так как с войском с юга вернулись, так и не любит. Ну и правильно. Нечего там и смотреть. Мужик и мужик. Ему и не надо. А что рот кривой, так того сразу и не приметишь. Только если улыбнётся. Но я такого с тех самых пор и не припомню.

Вот и я не заметила… Удивилась ещё, о каком параличе Эмеральд вспоминала? Обычный недовольно-мрачный мужик, вроде. А вон оно как, оказывается. Хотела было спросить, не пострадала ли у благоверного речь, но вспомнила, что разговаривал он со мной вполне понятно. В конце концов, это могло быть и последствием травмы, которую он получил на войне. Вернее всего, что так оно и было.

Горничная ещё посокрушалась на мою скверную осанку, и под конец с невнятными извинениями типа: «Прошу просить покорно, госпожа» ловко выдернула из моих ушей серьги и тут же накинула мне на сияющий белизной череп легкую золотистую ткань, в тон платью, и лихо закрутила в подобие обвязанного вокруг головы маленького тюрбана, так, что и голова оказалась покрыта, и лицо приобрело куда более мягкие черты.

Мне было, в общем-то, всё равно, а вот окружающим будет куда как комфортней.

– Звать меня Лу, – опомнилась служанка и, выполняя своё

обещание, уволокла всё, и красное платье, и зеркало, из комнаты прочь.

Выходит, финальной точкой в сопротивлении малышки была поистине отчаянная акция по обриванию головы? Я немного посетовала о том, как ей такое вообще в голову пришло? Можно же было просто обрезать волосы и оставить хоть короткую, мальчишескую, но всё-таки шевелюру. Но память подбрасывала видение какого-то тёмного пузырька с черепом и не слишком знакомыми символами на нём.

Неужели девчонка собиралась травиться?

Мне почти удалось разобраться с памятью о том, что эти символы на бутылочке означали, когда дверь снова открылась.

Судя по приготовлениям с переодеваниями, меня ждал, как минимум, переезд, как максимум, свадебный обед или ужин. Причём лучше без мужа. Потому что есть хотелось просто зверски. Муж, наверняка был хорош в диетологии, рядом с его не выражающим ни одной тёплой мысли лицом аппетит пропадал безвозвратно. Именно поэтому, а ещё по причине моей вопиюще лысой головы, я не сомневалась, что приём пищи, если и состоится, то только в кругу близких родных и прислуги.

Была не права.

Лу пришла за мной, поманила меня из комнаты прочь, а я недоумённо уставилась в её пышное лицо, на что та с досадой всплеснула руками:

– Обед! Торжество по случаю вашей свадьбы, госпожа! Честно говоря, – бормотала она, выпроваживая меня из комнаты, – господин мог бы устроить что-то посолидней. Даже в прошлый раз обед был на двести персон. А в этот… Ох, – заметила она мой растерянный вид, – простите, меня, госпожа! Вам, наверное…

– Всё в порядке. Просто проводи меня. Да расскажи о доме. Это будет не лишним.

– Конечно, – неуклюже присела служанка и стала быстро говорить про этажи, покои, удобства, лестницы и переходы. Да так, что у меня в голове буквально поплыло.

– Нет-нет, лучше просто скажи, как я могу найти кабинет мужа?

– Кабинет? – удивилась она. – Не спальню? Ах, да, зачем вам спальня, сеньор же сам к вам, наверное… Да и раненый он… Ох, да что я всё болтаю! Простите, госпожа, Эмеральд! – покаялась служанка и просто повела меня дальше, бросив по ходу, – Вон там кабинет, – махнула в сторону знакомого мне коридора и молча повела меня дальше.

Всю степень своего заблуждения о скромном застолье я осознала только приблизившись к высоченным дверям где-то на первом этаже этого гулкого, пустынного дома. У дверей меня ждал муж, Эрд Таль, совершенно без признаков недавнего истекания кровью. Он окинул мою фигуру цепким взглядом, в котором коротко мелькнуло облегчение, уверенным жестом закинул мою ладонь себе на локоть и поволок

внутрь зала, перед которым мы встретились.

Это ж какими такими чудодейственными свойствами обладала эта их странная соль, что человек спустя всего пару часов после полусмерти по банкетам спокойно разгуливает и гостей принимает? А эрд уверенно вёл меня твёрдым чеканным шагом с бесподобно ровной спиной.

За дверьми, слава Небесам, оказалась просто большая столовая и человек тридцать народу, а не бальный зал битком набитый людьми, как я всерьёз опасалась.

Но главное, что там имелось и вызывало мой нетерпеливый интерес – это накрытый к случаю стол. Мне даже было безразлично, какое там количество приборов, стаканов и блюд. Я готова была незаметно съесть хоть что-нибудь, хоть голыми руками, лишь бы поскорее. Вот, что называется растущий молодой организм! Давно я таких приступов не испытывала: когда слона целиком вместе с костями и даже без соли… Эх, молодость!

Тут память вбросила сводку о недельном бойкотировании приёмов пищи, и я даже охнула в голос от отчаяния. И слёзы, кажется, на глаза навернулись. Торжественный обед отменялся. Ну, Эмеральд! Чтоб тебе там жестоко икалось!

С беспредельной тоской взглянула на расставленные на сервировочных столиках укрытые колпаками блюда и перевела внимание на публику, о которой за десять шагов к столу исхитрилась забыть.

А вот публика как раз на меня пристально взирала, с инте-

ресом разглядывая моё хмурое от голода лицо и моток ткани, венчающий мою неразумную голову. Людей было не так уж и мало, чтобы перестать от их присутствия напрягаться, но и не слишком много, чтобы не понимать, что здесь только самые важные для семьи люди. И кто из них кто, мне следовало немедленно вспомнить.

За сдержанными поздравлениями, произносимыми строго по кругу, в памяти всплывали имена и отдельные пояснения к ним.

Вот тот красавчик Рамиль. Взгляд выхватил его сам, и сердце болезненно сжалось. Интересно… Это память тела? Или память памяти? Как это ещё можно было объяснить? Потому что во мне самой этот молодчик со склонностью к психологическому и эмоциональному садизму приветливых чувств точно не вызывал.

А вот и Женель, хо-хо! Та самая, которая в договоре, я нисколько в этом не сомневалась! Которая на нашего Рамиля украдкой с тоскою глядит. Великая пустота![5] Да это же она, дочь эрда Тааля! Незаконнорожденная, но признанная, как единственная наследница пока. Да она старше меня, то есть Эмеральд, лет на пять! Вот это номер. И если до этого я подумывала, а не из-за банального ли бесплодия у эрда с наследниками труба, то теперь эта версия сыпалась как старый

[5] Великая Пустота или Пустота Волопаса – Одна из самых загадочных и пугающих областей космоса. Крупная часть пространства, содержащая экстремально малое количество галактик. Выглядит как пустое тёмное пятно среди бесчисленного множества звёзд. Находится в созвездии Волопаса.

винчестер. Хотя за те двадцать с лишним лет, что прошли с момента рождения Женель, могло произойти очень и очень многое…

Так, кто тут у нас ещё? А вот и папенька, гляди ж ты, нашёлся! В том, что этот крупный, импозантный мужчина, был родителем Эмеральд, сомневаться не приходилось. Очень схожие черты лица, да и фамильное облысение откровенно указывало на кровное родство. Улыбался мне батюшка одновременно жалобно и нежно, отчего его пышные усы чуть подрагивали, и топорщилась вверх густая, красивая борода. А уж как поймал мой ответный горячо любящий взгляд, вообще прослезился и лысину платком промокнул. Так, не переигрывать! Аккуратнее надо быть с людьми преклонного возраста. Сама с утра Сашке о том поминала.

Ещё тут были всякие промышленники, председатели трестов и директора мануфактур со своими половинами и даже великовозрастными детьми. Тут был и бесстрастный банкир Пенье. Без сопровождения, но с моноклем. Меня порядком насторожил его изучающий взгляд, от которого хотелось чесаться.

Дядя Леон, родной дядя Эмеральд по матушке с семьёй, кстати, Их мы с девочкиной памятью обе были искренне рады видеть, особенно братьев, которые незаметно подмигивали сестрице в моём лице и хаотично складывали пальцы в их с Эмеральд шифр, смешно перебивая друг друга толчками. Судя по тому, что я успела прочесть, они были в диком

восторге от нашей с Эми авангардной причёски и заверяли в своей бесконечной поддержке и даже предлагали в знак солидарности с её борьбой незаметно подкинуть бомбу-вонючку на кухню. Я ответила, что если они это сделают, родина их не забудет, а я приложу все силы, чтобы их именем назвали самый новый и большой дирижабль и, увидев, как они сразу сникли, настойчиво отказалась от помощи. Только диверсий мне сейчас в послужном листе и не хватало…

Ещё была здесь Леди Николь с супругом – та самая любовница, которая ЛЮБОВНИЦА. Совсем уж ни в какие ворота… Хотя из всех присутствующих она самый постоянный член семьи эрда. Заметная женщина, хоть и ничего такого сверхвыдающегося кроме бюста и истинно королевской осанки я в ней не увидела. Возможно, во мне сейчас говорило слегка уязвлённое женское самолюбие, которое такими формами не могло похвастаться ни в земной своей ипостаси, ни в попаданческой. А может быть, мне не слишком понравился её цепкий, жгущий меня до нервных подёргиваний взгляд. Не поняла пока. Но мадам любовница отчего-то не пришлась мне по вкусу.

В общем, тут были все близкие, все свои. И то верно – третий раз всё без прикрас, как говорится, чего уже выпендриваться-то.

Гости, приступившие к трапезе после слаженных и быстрых поздравлений, были, как мне показалось, слегка взвинчены и немного напуганы, поэтому если расторопно и мол-

ча. Эрд, что сидел в противоположном конце стола от меня – равнодушен и привычно уже отстранён, персонал – внимателен и напряжён, и все взгляды, так или иначе, сходились на мне. А я, в свою очередь, мило улыбалась и радушно кивала, предлагая попробовать то или иное блюдо, стоящее на столе, провожая их каждое, попадающее на чью-то чужую тарелку голодным, жалобным взглядом.

Сама я рискнула отведать нечто, отдалённо напоминавшее по виду и вкусу овсяное суфле. После недельного голодания это было единственным разумным выбором, потому что с запеченным мясом, паштетами, маринадами и прочими изысками местной высокой кухни мне было сейчас точно не сладить.

Мне оставалось только наблюдать за происходящим и пытаться усвоить хоть какую-то информацию о том, где я и что здесь происходит.

Я всё возвращалась взглядом к Женель, будучи не в силах сообразить, что в её внешности меня так тревожит. Она, несомненно, была очень похожа на эрда Шарля. Совершенно точно, просто одно лицо на двоих. Но вот какая-то резкая черта просто била по нервам и беспокоила. Возможно, это были глаза. Глаза! Такие же надменные, с острым, треугольным прищуром… яркие светло-серые глаза. Бинго!

У эрда глаза были почти чёрные. Я в этом сейчас же убедилась, просто взглянув в другой конец стола. Он прожигал меня своими угольями с неистовым предупреждением во

взгляде.

Следуя логике генетической доминанты, старший ребёнок с вероятностью девяносто восемь процентов наследует цвет глаз отца. Но и такую чёрную радужку, как у Тааля вообще вряд ли что-то могло перебить… Любопытно.

Мысли об этом слегка отвлекли меня от нестерпимого голода, и я развлекалась просчётом вероятностей генетических вывертов и цветовых сочетаний радужки. У моих собственных мальчишек, кстати, глаза были точнёхонько в их гениального папочку.

К моему счастью, банкет быстро перерос в производственное совещание с отчётами и сдержанному обсуждению планов, и напряжение, наконец, всех отпустило. К концу обеда женщины возмутились, и мужчины ушли в гостиную курить и думать, а женщины остались сплетничать и задавать друг другу неудобные вопросы.

– Минерва, вы представляете, – обратилась мадам Николь, которая любовница, к жене дядюшки Лео, – видела намедни ваши туфли на какой-то профурсетке в салоне, – и мне сделалось прям физически больно от того, как тётушка покраснела, – Ну это же немыслимо! Где это видано, копировать туфли супруги самого Мор*и*са! Да ещё и наряд к ним подобран был совершенно безвкусно! Я так ей и сказала, – продолжала она вещать охающим собеседницам высоким, певучим голосом,– вы милочка ещё слишком безграмотны в современной моде, чтобы позволить себе подобное

сочетание. Но, вообще, справедливости ради, надо сказать, что туфли эти действительно очень сложно правильно включить в наряд. Однако, да-да, милая Минерва, вам одной это так удачно даётся.

Тётушка незаметно поёрзала на стуле, пряча ноги поглубже под подол. И покраснела ещё сильнее, да так, что я забеспокоилась, как бы не пришлось тащить её на улицу, дабы освежить и привести в чувство.

– Это ещё что, дорогая Николь, – махнула замолчавшей мадам любовнице жена бородатого мужика, который звался на собрании Металлургией – Моя горничная нацепила на шею такую же бархотку, как у вас! Вы представляете? Выгнала мерзавку, – вскинула вверх двойной подбородок. – Ни стыда, ни совести.

Я неожиданно громко хмыкнула, на что тётушки, как одна, слаженно обернулись ко мне. И мнения в направленных на меня взглядах разделились почти поровну, между снисходительным и задорным.

В высоком кофейнике, что стоял напротив меня, отразились огромные детские глаза и бесконечное раскаяние в них. Я приложила к груди руку, мол, прошу прощения, не обращайте внимания, я тут по-простецки от нервов икаю.

– Ну, чернь всегда копирует хозяев, тут уж ничего не поделаешь, – смерив меня равнодушным взглядом, отмахнулась мадам любовница. – К тому же, она наверняка была не рубиновая, а с какой-то стекляшкой.

– Что вы, что вы, – хохотнула женщина, прикрываясь ладонью, – Такой рубин, как вам подарил…

– Муж, – веско подсказала мадам.

– Да. Да. Конечно, муж, кто же еще… Такого и мой Берт разыскать не сможет! Не то, что горничная.

Змеюки какие. Это они, что рассчитывали устроить ребёнку ликбез по взрослой жизни? Вроде, разбить розовые очки вдребезги прямо на свадьбе? Чтобы все иллюзии одним махом и сразу на всю жизнь? Бедное дитя, как она с этим милым обществом раньше справлялась?

– Если только горничная не господина… – негромко проговорила Женель, но её перебила хозяйка тканевой мануфактуры:

– А что ваши сорванцы, Минерва? Куда же они подевались? Без них стало как-то тихо и скучно, вы не находите? – она обвела стол невинным взглядом.

Караул… где я исхитрилась так нагрешить, за что мне этот террариум? У нас и так тут муж-калека, любовница-нахалка, падчерица-байстрючка, сводный брат-деспот, кузены-опоссумы… вообще нормальные родственники в наличие имеются, я спрашиваю?

Я пила чистую воду и улыбалась, будто юродивая, на все провокации пожимала плечом, отговариваясь тем, что именно сегодня я очень взволнована и не могу совершенно ни на что внятно ответить. Отчего моя великовозрастная падчерица Женель презрительно фыркала и громко хохотала, словно

услышала удачную свежую шутку, а мадам любовница Николь едва уловимо, если не присматриваться и не заметишь, вздёргивала бровь. Как по мне, так и шутка была трёхкратной давности, и с невестой жениху в этот раз не слишком-то повезло.

Есть хотелось по-прежнему ужасно. Даже не есть, а просто-таки жрать. Но я хорошо знала, что делать этого категорически нельзя и продолжала улыбаться.

А ещё очень хотелось встать и уйти, чтобы проверить, как там обещанный вчера папенькой короб с вещами, в который Эмеральд сложила преимущественно книги и свои записи. А ещё узнать, где же Бомбель, о котором она так трогательно волновалась. И потихоньку обойти первый этаж, чтобы ночью быстро найти кабинет и забрать уже эту несчастную трубку.

Я сидела в кресле у окна и, повернув голову, вдруг заметила за приоткрытыми дверьми гостиной острый взгляд муженька, направленный точно на меня. В нём читалось предупреждение и даже угроза «И не думай!», которую, вероятно, он пытался мне внушить. А так как я понятия не имела, о чём меня предостерегал благоверный, в ответ пожала плечом и искренне улыбнулась.

Так мы переглядывались некоторое время. Эрд напряжённо следил за моим беззаботным лицом. Я поглядывала на милейших воркующих дам, попивающих чай на диванчиках и в креслах напротив.

– Огюст рассказывал, – заговорщическим голосом произнесла вдруг строгая мадам Бониль, не проронившая до этого момента ни звука, – что верейцы опять перешли границу на рассветных рубежах. – Ох, что будет, что будет…

– Да бросьте вы, Энель! – Энель Бониль? Звучит как мадам Ваниль. – Ничего не будет! – одёрнула её мадам Любовница. – Как всегда, разграбят дальние владения и уберутся восвояси.

– А не у моего ли папеньки там земля? – задумчиво протянула Женель и бросила на меня многозначительный взгляд из-под ресниц.

Мамочка дорогая… Я улыбнулась и падчерице. Надеюсь, что получилось смущённо. На деле же мне сделалось холодно в животе и страшно во всём остальном организме.

Если это то самое поместье, о котором говорил по дороге из храма муж, то почему армия ещё не выступила в ответный поход? А если серьёзно, то он что, действительно решил отправить меня во владения, где бесчинствуют мародёры? Одну? С какой-то там тёткой?

Я перевела полный ужаса взгляд за открытую дверь, на супруга, и он ответил мне зверской гримасой, скривившей его вечно бесчувственное лицо. Вероятно, именно так выглядела улыбка в исполнении эрда. Неудивительно, что горничная её никогда не видела. От такого люди, наверняка, просто лишаются чувств или бегут без оглядки.

Досадно. Молодой же, красивый мужик…

Не знаю, что такого отразилось на моём лице, но муж вдруг рывком поднялся и быстро направился в мою сторону. Он схватил меня за локоть и с нелепыми извинениями:

– Прошу простить нас с супругой! – под легкомысленные смешки дамочек, откровенно злобный взгляд Женель и снисходительно-понимающий мадам Любовницы, вывел меня из столовой, а стоило двери за нами захлопнуться, поволок меня наверх.

– Стойте! – упиралась я, пытаясь выдернуть из его клешни свою руку, другой цепляясь за перила лестницы. – Вы обещали мне год! Отпустите! – Тратить время на супружеский долг вместо кражи трубы в мои планы сегодня никак не входило.

– Да двигайтесь вы, наконец! – рявкнул супруг, – Вы что подумали? Что я… Что я? Да за кого вы меня принимаете?

За законного мужа в своём праве, разумеется.

– А зачем же вы меня тащите? Больно, между прочим!

– Что это вы там устроили, вы, злобная, дикая кошка! – прошипел эрд, стоило двери закрыться за нашими спинами.

– Я просто старалась быть вежливой и радушной! Чего не скажешь сейчас о вас, – немедленно парировала я и в отчаянии дёрнула вниз кулаками. Что ему могло не понравиться? Я была мила, смущена и очень наивна! Всё как требуется от девицы, внезапно оказавшейся замужем.

– Не верю ни одному вашему жесту! – обрадовал меня супруг – Вы лживы от вашей лысой макушки до пяток. Вот

это, – он больно ткнул пальцем в платок на моей голове, – и бомбы-вонючки от ваших братьев, – О-о, похоже, кому-то шифр надо срочно менять, – вот это всё вполне в вашем стиле, а все эти улыбочки – точно нет.

– Как вам угодно! – пожала плечами и попыталась обиженно отвернуться. Что там ещё надо бы было для эрда сыграть, чтоб он поверил, я понятия не имела.

– Обыщите дом, – крикнул он за дверь, – Тут вполне может прятаться взрывное устройство. Или? – он повернул моё лицо к себе рукой, вглядываясь в него с недоверием, – Вы что же? – Ужасная догадка отразилась в его глазах, и он просипел:– Подмешали яд в еду? – и, убеждая сам себя, принялся перечислять: – Вы почти ничего не ели за обедом. И пили только воду… Но как бы вы успели? У вас есть подельники в доме? Отвечайте! – Требовательно рявкнул он.

– Скорее уж слабительное, – мрачно бросила я наугад, – Вам должно быть известно, это больше подходит моему характеру. Разве нет?

– Вот дьявол, – прошептал он в ответ, и восторг и ужас слились в его взгляде вместе прекрасной волной.

– Хозяин! Мы уже давно обыскали, – донеслось до моих ушей из-за двери, – Нашли только два бочонка со спиртом в подвале. Больше ничего.

Эрд отпустил моё лицо и крикнул назад:

– Хорошо! Не трогайте ничего. – И со вздохом облегчения пробормотал: – Спирт не газ, спирт не взрывается.

– Ещё как взрывается! При желании взорвать можно даже муку! Любой мало-мальски знакомый с физикой человек это вам подтвердит.

В глазах мужчины мелькнул сначала ужас, потом любопытство пополам с недоверием, и он громко попросил в сторону:

– И уберите муку из кладовой!

– Надолго? – с готовностью крикнули из-за двери.

– На ближайшие лет пять!

Я понимающе хмыкнула, а Тааль наконец отстранился и молча одёрнул костюм. К слову, новый костюм. Без свадебных изысков, лишних кружев и кровавых пятен на них. Я было раскрыла рот, чтобы поинтересоваться его стремительно улучшившимся самочувствием, как подобает любой, даже не слишком настоящей жене, вроде меня, но он не позволил:

– Отправляетесь на рассвете. К полудню третьего дня будете на месте, – сказал безапелляционно и нервно дёрнул здоровой щекой.

– Три дня? – возмутилась я. – Три дня трястись в пыхтящем драндулете со скоростью бегущей улитки? Нет уж, я лучше пешком, – категорически отказалась я. – К тому же, по слухам, у вас там бесчинствуют мародёры.

– Хотите покормить птеростидастров? – хохотнул муженёк.

Кого? Звучит как пипидастры только про птеро…

– Вот то-то же! – буркнул муж и с назидательным сожале-

нием добавил: – Во что только вы себя превратили, глупая вы девчонка! – тихо проговорил муж у двери, отчаливая восвояси.

Нормально?

Я его про напряжённую криминальную и внешнеполитическую обстановку спросила, а он меня ископаемыми пуховками какими-то напугал. Надо понимать, эрду по статусу не очень положено иметь вторую половину с настолько прогрессивной причёской, в этом всё дело?

Глава 4

Я опять застыла у грохнувшей замком двери, пытаясь успокоить дыхание и унять трясущиеся руки. Всё происходящее было слишком оглушающим и нелепым. Но давать себе время на панику и ужас я не могла. Не имела права – это было бы сейчас равносильно смерти.

Нахмурилась, соображая, что теперь делать и как узнать, какими средствами располагаю, чтобы обеспечить свою безопасность, пока не доберусь до трубы. С неудовольствием поняла, что никакими, и сжала дрожащие ледяные пальцы в кулаки.

Я в очередной раз обошла скромную комнату, потягиваясь и разминаясь, чтобы определить, в какой физической форме была Эмеральд (стоило согласиться, в неплохой) и попутно убедиться, что никаких её девичьих вещей тут нет и в помине. Значит, укладка[6] этой проблемной девчонки ещё не прибыла. Или её отправят прямо в поместье? Неплохо было бы знать, с каким набором вещей Эмеральд удаляют в изгнание, и чего стоило требовать себе ещё.

Судя по свадьбе, дому и гостям, эрд не производил впечатление скупой задницы, и можно было рассчитывать, что если о чём-то его попрошу, он не откажет. Мне, прежде все-

---

[6] Укладка – здесь сундук или сумка с личными вещами.

го, нужны были книги. Справочник по местным лекарственным, да и обычным растениям и какой-нибудь простенький календарь, чтобы сориентироваться во времени и пространстве. Ну и неплохо бы карту. Остальное не столь срочно, всё можно было выяснить и позже, как и понять, что с этим делать.

Держись, Руслана Лексевна, у тебя по-прежнему много работы…

Кстати, в комнате, прямо на столе обнаружился любопытнейший веер, которого прежде здесь не было. Он раскладывался поочерёдно в двух плоскостях: привычную для обмахивания и тайных знаков, и в набор тончайших клинков, которые были рёбрами жёсткости основного сегмента. И, к моему удивлению, ещё в одну, общую, которую я обнаружила совершенно случайно, сильно прижав пальцами плоскую пуговку в основании веера, так напомнившую мне линзы в злополучной трубе. Эта общая плоскость была затянута тончайшей слюдой, переливающейся радужным светом. На ней не было совершенно ничего: ни шифров, ни секретных посланий, ни списков и схем. Вопрос, зачем и откуда повис без ответа, потому что отвечать в запертой на ключ комнате было некому.

Около часа я потратила на обыск комнаты, не завалялись ли тут ещё какие неожиданные подарки, да и чего-то похожее на шпильку раздобыть тоже было б не лишним. Но нашла только большое засушенное яблоко у себя под подуш-

кой, а может, оно просто было деревянным. Во всяком случае, стучало об стену оно именно так. Покрутила в руках, понюхала – запах был тонким и одновременно сладким и горьким – и отложила на стол. Всё равно спать с ним под головой вряд ли будет удобно. В остальном комната была пуста, как старая обувная коробка.

За азартными поисками паниковать было не слишком удобно.

Честно говоря, я понятия не имела, как вскрывать замок шпилькой, но упорно продолжала её искать. И думать. Добиться бы от Эмеральд ещё каких-то принципиальных посланий. Но в голове, как назло, больше ничего не всплывало.

Ночь упала на этот мир совершенно внезапно. Только что был светлый тёплый вечер, и я подумывала, не потребовать ли выпустить меня наружу, чтобы проветрить мой порядком запревший под платком череп, как внезапно наступила такая темнота, что в окно не было видно даже аккуратных белых дорожек, которые должны были сиять и в кромешной тьме. Но нет, как я не расплющивала нос о стекло, не выжидала, чтобы дать время зрачку расшириться и привыкнуть, не видно было абсолютно ничего. Только очень смутные отсветы где-то вдали.

Небо тоже молчало. К вечеру набежали облака, и я лишилась возможности оценить здешнюю карту звёзд. А учитывая, что завтра мы тронемся в путь, и место, где мы находимся сейчас, мне иначе запомнить никак не удастся, это удру-

чало меня вдвойне.

Осторожно отлепилась от окна, чтобы попытаться раздеться и не успела сделать и пары шагов, как в комнате сам собой зажёгся свет. От неожиданности я дёрнулась в сторону, наткнулась на стол, который откликнулся металлическим звуком, упавшей с него вазы, звонким грохотом свалившегося на пол деревянного яблока, и следом я опрокинула неуважительно преградивший мне дорогу стул.

– Мрак, – дрожащим голосом ругнулась я.

Сердце моё грозилось выскочить через горло, трясущиеся ноги путались в длинном подоле. Именно в этот драматичный момент в дверь постучали, замок щёлкнул, и на пороге возникла моя пышная Лу. В руках горничная держала объёмный кулёк из покрывала.

– Папенька ваш просил передать, – коротко сказала она и положила презент на краешек кровати.

– Сам-то он меня навестить постеснялся что ли? – ворчливо буркнула я, осторожно приподнимая ткань и на всякий случай отшатываясь назад. – Бомбель! – выдохнула я, осторожно склоняясь к собаке. Эту часть сделки с Эмеральд я, считай, выполнила. Пёс сладко дрых, свесив бледно-розовый язык на бок и подрагивал всеми лапами.– Почему он не проснулся? – с удивлением спросила у Лу. По моему мнению, все подобные зверюги должны были бы уже навернуть пять кругов по комнате, опрокинуть вазу-стул-стол, как это только что одним ловким движением сделала я, и налить

среднего размера лужу от счастья. Но этот блаженно лежал и радостно всё это сновидел. Идеальный пёс, я нисколько не возражаю, но подозрительно.

– Так ошейник же, – пожала плечами служанка и легко щёлкнула защёлкой замка.

Стоило металлической цепи скользнуть с шеи собаки на покрывало, как Бомбель вскочил, коротко осмотрелся и, радостно хрипя, бросился мне на шею. Буквально.

Я, криво улыбаясь, держала извивающегося пса перед собой на вытянутых руках и совершенно не представляла, что с ним теперь делать.

Ваза-стул-стол выжили только потому, что я сама уже на них напала.

– Лучше наденьте обратно, – кивнула Лу на ошейник и принялась расстёгивать на мне платье. – Вам самой так спокойней за него будет.

Я оглянулась на тёмный провал окна без какого либо признака портьер, закинула пса на кровать и жалобно улыбнулась.

Отсутствие в ярко освещённой комнате занавесок напрягало. Ощущение реалити «За стеклом» было полным и заметно нервным. Я попеременно поднимала руки, помогая Лу стянуть с меня верхнее платье, и размышляла про кольцо, которое так и осталось при мне, но при этом пропустило в прошлое переодевание перчатки.

Означало ли это, что я приняла роль жены своего ново-

го мужа и что я теперь в нём полностью растворяюсь? Так, кажется, там было про все эти ритуальные кольца. Только вот ничего подобного я в себе не ощущала. Потому что до мужа мне было, как до лампочки, лишь бы голодом не морил в этот год и визитами не обременял. И ещё было абсолютно непонятно, почему же кольцо было всё-таки нашим родовым. Так, кажется, сказал эрд. Хотя я сейчас уже плохо помню. Тогда было так больно, что мне могло послышаться вообще что угодно: и что я отныне в вечном рабстве, равно, как и то, что муж с меня теперь пылинки должен сдувать.

В любом случае, что-то тут было не так, а спрашивать было не у кого. Папенька меня навестить так и не пришёл. Будь я Эмеральд, я бы расстроилась, наверное.

Наверняка, – подсказало мне что-то внутри, и я грустно улыбнулась:

– Надену, не сомневайся, – тихо пообещала горничной, указав подбородком на пса, и она в ответ сосредоточенно кивнула.

Может, и не зря девчонка так стремилась отстоять своё право на выбор с кем и как ей жить?

Я бросила взгляд в чёрное жерло окна, отчётливо ощущая, что за нами следят. Со стороны мужа, это было бы разумно, конечно.

– И, госпожа… – служанка замялась, будто не решалась сказать.

– Ну? – поторопила я её.

– Не оставляйте ошейник без присмотра, – она посмотрела мне в глаза уж слишком внимательно. – Опасная вещь в недобрых руках. Держите всегда при себе. В тайном месте. И пса одного в нём не оставляйте.

– Не буду, – пообещала твёрдо, вернув ей не менее серьёзный взгляд, и застегнула ошейник на толстой шее Бомбе.

Моя странная горничная только кивнула, сосредоточенно глядя в пол.

– Спасибо, Лу, – поблагодарила, когда она закончила ловко вынимать меня из очередного тонкого платья, накинула мне на плечи плотный байковый халат, и двинулась прочь.

Служанка только смущённо улыбнулась в ответ и с извинениями вытащила прямо из нескромного бюста ключ.

Я чуть не подпрыгнула на месте. Ключ!

Крепко схватила её за запястье, и тихо проговорила в пахнущее свежей сдобой плечо:

– Мне нужна помощь.

– Знаю, госпожа,– так же тихо откликнулась Лу, а мои выпученные от изумления глаза отразились в расширившихся зрачках прислужницы. – Вам помогут, не сомневайтесь, – прошептала мне на ухо.

Спасибо большое, но я сейчас о насущном:

– Оставь мне ключ. Я сама запру дверь.

Горничная испуганно отшатнулась.

– Не надо… – с тревогой то ли спросила, то ли согласилась она.

– Я не собираюсь бежать. Мне просто надо проверить.

– Вы опять подвергаете себя опасности, госпожа, – покачала головой Лу. – И, случись что, мне точно будет не сдобровать.

– Обещаю! Слово жены эрда Тааля! – благоразумно не стала уточнять, что именно обещаю, намереваясь продолжить уговаривать Лу и дальше. Но она неожиданно замерла, прислушиваясь к чему-то за дверью, а потом выудила из недр своей юбки, которая по размеру скорее напоминала парус, небольшой чёрный предмет, быстро сунула его мне в ладонь и, твёрдо глядя в мои глаза, громко проговорила:

– Я принесу вам овсяной каши и киселя. Но лучше бы вам перед дорогой не объедаться, – и с этими словами выскочила из комнаты с такой прытью, что меня чуть не сдуло поднятой её парусами воздушной волной.

Я досчитала до двадцати. Потом ещё до ста, и подождала ещё немного, чтобы моё дыхание выровнялось, а щёки перестали гореть.

Вот они – все прелести юного организма. Отличная скорость химических реакций и никаких психологических защитных барьеров: все чувства, как на ладони. Не могу однозначно сказать, скучала я по этому, или нет, но ощущения эти будоражили, вливая в кровь кипучий азарт и неукротимую жажду рискнуть. Сейчас я даже была готова вылезти в окно, лишь бы достать эту разнесчастную эрдову трубку. Я сильно сжала кулаки, и меня что-то больно кольнуло

Разжала испачканную кровью ладонь и с удивлением обнаружила вещицу, которую вручила мне Лу и про которую я за волнением исхитрилась забыть. Я хотела было проверить её на своей двери, но вовремя отдёрнула руку и даже отошла подальше. Мне на миг показалось, что за дверью кто-то стоит, и будто он только и ждёт, что я сейчас вот так топорно облажаюсь.

С трудом уняв опять пустившееся в галоп сердце, внимательно осмотрела комнату, где находилась, даже заглянула под кровать – нигде ни одной двери или ящика с замком не было видно. Разве что плательный шкаф, в котором были крошечные скважины под малюсенький ключик. Но это было бы совсем уж ерундой… Хотя… Почему бы и нет?

Я взглянула на тонкую, длинную палочку в своих руках с ажурными крючками с обеих концов и медленно приблизилась к шкафу. Подёргала дверцу, и та с недовольным скрипом открылась. Прекрасно. Теперь, главное, чтобы замок там внутри оказался настоящим, а не бутафорским.

Вставила палочку в замок, намереваясь основательно ей там, внутри, поковыряться, но из скважины вдруг просочился пучок розоватого света и всё погасло.

Отдёрнула руку, опасаясь, как бы это сияние меня не расчленило к чертям, но дверь всё равно подёргала, и даже «йес!» от радости прошептала: шкафчик теперь был совершенно точно закрыт. В этот миг, я с полной осознанностью убедилась в том, о чём до этого лишь подозревала: мир, в

котором я так неосмотрительно очутилась, был однозначно магическим.

Нервно вышагивая по комнате, как подбитый фламинго, я выбрасывала голень вперёд, заставляя подол платья взметаться вверх, и прижимала к груди свою крошечную отмычку, совершенно не представляя, что с ней теперь делать, где её прятать и как это внезапное богатство сохранить. Не зря же Лу говорила про недобрые руки. Истину про то, что всё ценное, что нашёл, обязательно надо неоднократно перепрятывать, я отлично усвоила ещё в детстве. Но здесь этот очень нужный предмет скрывать было решительно негде. Из него можно было бы сделать шпильку для волос, но как раз их в наличии не имелось. Поэтому я держала его в руке перед собой, как проездной в трамвае, и шагала дальше. И думала.

Что я стану делать, если получится достать трубу, я понятия не имела. Просто точно знала, что её надо срочно достать, а остальное придёт на месте, я в этом не сомневалась. Где её прятать потом, если не получится её сразу включить и убраться отсюда домой, вопрос тоже был важный, но я была уверена, что и с этим как-нибудь разберусь. Не зря же у меня теперь есть Лу.

О том, можно ли доверять горничной так, как вынуждали меня обстоятельства, я старалась слишком не думать. В целях сохранения психики и веры в человечество. Хотя бы потому, что довериться кому-то ещё и попросить помощи, мне было больше не у кого.

Самым страшным было бы, если б она оказалась «агентом» Тааля, и он специально подговорил её втереться ко мне в доверие, чтобы я ей открылась.

Что ж, если и так, то у него блестяще получилось это провернуть, и у Эмеральд противостоять ему действительно нет ни одного шанса.

У меня есть. Но только один. И он заканчивается на том моменте, где я вытаскиваю у него из кабинета эту несчастную трубку.

Только бы удалось её сразу же активировать! Только бы удалось…

Ночь снаружи давно наполнилась звуками и шорохами. В окна с тихим стуком бились громадные серые мотыльки, оставляя серебристые пятна на стёклах. Я нервно вышагивала по тёмной комнате, сжимая в ладони отмычку, и ждала. Не знаю, сколько времени прошло. Наверное, не очень много.

Лу принесла еду, как раз к тому моменту, когда моё нетерпение достигло предела. Увидев её, я выдохнула почти в голос:

– Что так долго?

– Гости разъезжались, – лаконично ответила горничная-гренадёр, и я прислушалась к тишине, окутавшей дом.

Действительно, до этого я различала отдалённые голоса, иногда звук быстрых шагов, какой-то незначительный шелест и скрипы, теперь же дом замер и примолк. Только в саду

истерично вопила какая-то птица, да на пруду надрывались лягушки.

Выходило, что Лу задержалась так надолго, чтобы убедиться, что все гости покинули дом, и теперь я без опаски могу выходить на своё дело? Бесценный кадр! Как бы забрать её с собой и не навлечь на нас обеих гнев и ненужные вопросы Тааля? Если она, конечно, на моей стороне. Что ж, это выяснится буквально сегодня. И мне придётся рискнуть.

– Который час? – спросила, когда она поставила на стол поднос с едой и питьём, укрытый выбеленной салфеткой, и присела в совершенно нелепом в книксене.

– Два часа до полуночи, молодая госпожа. Это тоже вам, – протянула она мне нечто большое и белое, отчего мои глаза полезли на лоб. – Чтобы голова не мёрзла, платок-то сползёт, само собой, когда спать будете, – вложила мне в руки незабываемого вида чепец и добавила, глядя на меня исподлобья: – Мне не велено с вами говорить, но лучше бы вам оставаться в комнате этой ночью.

– Не сомневаюсь, – пробормотала себе под нос, с ужасом рассматривая чехол для ночного горшка в своих руках, даже с неким подобием кружев на нём. – Иди, Лу, мне… подумать надо.

Лу как-то странно угукнула:

– Зря, вы это, госпожа. От мыслей морщины бывают, и цвет лица портится, – и чуть помолчав, зачем-то добавила: – Я на верхнем этаже живу, в дальней от лестницы (комнате).

В той, которая по правую руку будет. Если что.

Мне не очень понравилось это дополнительное «если что» и предполагаемый повод, по которому оно было произнесено, но я всё равно кивнула. В любом случае знать, где обитает твоя прислуга, было никак не лишним…

Я сидела на кровати, погасив свет хлопком, как научила меня Лу, поглаживая спящего пса, и смотрела на щёлкнувшую минут десять назад замком дверь, прислушиваясь и наблюдя. В темноте делать это получалось лучше, потому что мозг не отвлекался на то, что докладывали ему глаза. Я даже на некоторое время перестала гладить густую мягкую шкурку Бомбеля, чтобы лучше слышать. А пёс неожиданно оказался очень полезным – от его присутствия я успокаивалась, а от поглаживания впадала в какую-то оптимистичную эйфорию. Всё-таки живая душа рядом – большое дело.

И ответственность… Брать в дальнюю, непредсказуемую дорогу его с собой было опасно. Но что-то внутри меня противилось оставить псину здесь, на попечение Лу. Подозреваю, это был голос Эмеральд, которая была сильно привязана к собаке. А пёс, судя по всему, всецело доверял ей в ответ.

Я вглядывалась в дышащую ночную тьму, одновременно подавленная и потрясённая тем, что со мной сегодня произошло, не в силах решиться и встать. Мне стоило поторопиться. Потому что если я не ошибалась (а я не ошибалась), у меня в запасе было всего три-три с половиной часа темноты. Прошло уже достаточно времени, за которое из-за двери не

проникло ни звука. Голова, кстати, в этом чехле для тазиков действительно не мёрзла.

Я осторожно встала и приблизилась к высокой светлой створке двери, которую вполне могла различить в темноте. Нащупала пальцами замок и поднесла к нему тонкую палочку. Я ещё и вставить её до конца не успела, а она уже налилась розоватым сиянием. Замок тихо щёлкнул, и я медленно приоткрыла дверь. И чуть не заорала от страха.

Рядом с комнатой, привалившись к стене и запрокинув голову, сидел мужик с открытым ртом … и спал. У согнутой в колене ноги стояла точно такая же, как та, что принесла мне Лу, высокая чашка, за которую он и держался.

Ну, Лу! Бесценный… кадр! И ведь ни словом не обмолвилась. Или, может быть, она боялась, что нас подслушивают?

Сонное питьё, конечно, решило бы все её проблемы. Выпей мы его оба, и мужик-охранник, и я. Да и если бы я не выпила, как не сделала этого сейчас, то тоже – путь для меня оказался свободен, и меня не поймают, а значит, её репутация не пострадает.

Нда… Доверие – роскошь, которую я себе позволить сейчас не могла, хоть этого мне отчаянно и не хватало.

Я помахала рукой перед носом безмятежно дрыхнущего ночного надзирателя и выскользнула в коридор, стараясь делать всё размеренно и спокойно, чтобы не издавать никаких шорохов и движения воздуха. Я, кажется, даже почти не дышала, когда прикладывала отмычку к замку, запирая

дверь, и чуть не умерла от разрыва сердца, когда мой охранник всхрапнул.

Если бы у меня сейчас были волосы, они бы топорщились, как плазма, и потрескивали бы, демонстрируя мой сдержанный ужас, Я осторожно перешагнула через вытянутые поперёк коридора огромные ноги и быстро помчалась через плотную темноту к лестнице, у которой виднелся размытый свет рожка, закрепленного на стене. Моё сердце стучало так громко, что казалось, выстрели сейчас во дворе из пушки, я не услышала бы ничего. Во всяком случае, своих шагов я совершенно точно не различала.

Вот так, вздрагивая от незнакомых углов, силуэтов чужой обстановки и ужасающей собственной тени в огромном чепце, я кое-как добралась до первого этажа.

Вовремя, как всегда.

Только я шагнула к нужному мне коридору, где находился треклятый кабинет эрда, как со стороны кухни послышалась пыхтение и молчаливая возня. Я тихо отступала к стене, пока не упёрлась в деревянную перегородку, оказавшуюся циклопического размера часами.

– Ты что здесь делаешь, гнилая башка? – яростное шипение пронзило по-ночному безмятежный холл, и я так сильно вжалась в массивное тело часов, что рисковала в них растворитьcя. В двух шагах от меня появилась ночная нимфа в целомудренном белом платье. – К молодому хозяину идёшь?

– Да куда ты-то, прёшь, *непереводимый фольклор* ста-

рая? – оттолкнула её с дороги вторая воздушная фея, очевидно, любви.

– Ах ты..! – тень на стене качнулась вперёд, и кто-то из них шёпотом завизжал.

Слава Кеплеру[7], они не про мою душу… И если это сейчас был расплавленный воск, то это, безусловно, было жестоко.

Шум и сдавленное оханье приближались ко мне, и я вжалась в часы ещё сильнее. Их стенка, которой касались мои лопатки, неожиданно поддалась, впуская меня в тесную, тёмную полость часового шкафа, и беззвучно за мной затворилась.

Здоровья тебе, Пахрачёв! Ведь спала бы сейчас спокойно в своей постели, мечтала бы о чём-нибудь… обычном, даже вспомнить сейчас не могу, о чём, потому что нЕкогда: глаза горят, чепец дыбом, руки дрожат – экшен!

– Патлы свои расчеши сначала, да отмойся, замарашка! В спальни шастаешь, а щёлоком мыться не научилась! – свистящим шёпотом обвиняла одна жаждущая любви тень съёжившуюся другую, закрывающую грудь руками. – Как он тебя взашей не выгонит только?

Пострадавшая вцепилась сопернице то ли в лицо, то ли в волосы, из часов не слишком было понятно. Обе свечи, слава богу, тут же погасли, сохраняя моё инкогнито, а служанки

---

[7] Кепплер – Немецкий математик, астроном, механик, оптик, первооткрыватель законов движения планет Солнечной системы. Так же «**Ке́плер**» – космическая обсерватория НАСА, орбитальный телескоп со сверхчувствительным фотометром,

продолжали молча вырывать друг другу доступные конечности, попутно натыкаясь на стены и мебель. Только бы до меня не добрались, честное слово.

На перекрёстке любви в доме эрда появилось ещё одно световое пятно. Оно приблизилось к схватке и с тихим, но пробирающим до костей:

– Мерзавки! Нужники мыть отправлю! Обеих! Вон пошли, куры! – отхлестала их какой-то тряпкой и погнала из холла прочь, оставив меня, наконец, в одну. В часах…

Сдаётся мне, это была экономка. Прекрасная женщина, долгих лет и ей тоже.

В это увлекательное мгновение часы сделали над моей головой протяжное и басовитое «Боуммм» (кто был когда-нибудь в часах, тот поймёт), отчего я на пару минут перестала не то что слышать, а ещё видеть, чувствовать и дышать. У меня даже слёзы из глаз потекли, а зубы ещё некоторое время, звенели.

Часы отметили или четверть, или половину часа, а это значило, что время бежало, как горный поток.

Я утёрла глаза рукавом и толкнула впустившую меня внутрь панель, и… ничего не произошло. То есть, вообще ничего. Я толкнула ещё раз, и ещё, часы покачнулись, и огромные гири ударили друг о друга. Я привалилась к задней стене спиной и закрыла глаза, пытаясь унять панику.

Теперь, когда ничто и никто не мешал мне красть у мужа окуляр, я оказалась заперта в часовом шкафу, букваль-

но в шаге от цели! Как несправедлива судьба! Именно тогда мне стоило бы подумать об этом посерьёзней. Но я была одержима мужниной трубой и очень хотела домой. Поэтому, когда задняя стенка за моей спиной покачнулась, я обрадовалась, а не напугалась. Сдвинувшаяся внутрь задняя стенка зияла внутрь дома чёрным провалом, откуда тянуло ледяным сквозняком и страшными тайнами…

Нахлобучив поглубже чепец на горящие от волнения уши и выставив перед собой отмычку, как единственную защиту, я шагнула в проём. Темно было не то что, как в космосе… В космосе, если есть поверхность, значит она может отражать свет даже очень удалённых звёзд, а тут отражать было нечего. Поэтому тут было темно, как… в месте, известном даже астрономам, что решимости и энтузиазма никак мне не прибавило.

Проход был широким и, судя по размерам часов, через которые я сюда попала, я очутилась в заднице домозавра. Как минимум.

Идти было страшно и холодно. Изредка мимо меня, пищА, пробегали мыши. Шаге на тридцатом примерно, когда я оступилась и чуть не потеряла направление, в руке моей тускло засветилась отмычка. Наверное, от страха за меня. Но мне от этого совсем не сделалось легче.

Если до этого я просто шла вперёд, то теперь точно знала, что конца и надежды у этого пути нет. И это было действительно страшно. Я стояла одна в тёмном, абсолютно квад-

ратном коридоре, и впереди и сзади была кромешная тьма, и только я и крошечный островок тусклого, розоватого света среди неё.

– Чтоб тебе кошмары не снились никогда, Пахрачёв, а только одни розовые пони! Вечно! – осторожно двигаясь дальше, проклинала я своего аспиранта, припёршего из Саян мне эту чёртову трубу, – Думай, давай, как меня вытаскивать отсюда, паразит!

Коридор был рабочим, это точно. Кости под моими ногами не хрустели, пауки на чепец не сыпались, в целом было свежо, но депрессивно. Поэтому я ускорилась, прибавив шагу.

К тому моменту, когда я начала подвывать от ужаса, как порядочное привидение, коридор сделал приметный аппендикс вправо, и я решилась тут выйти. Потому что из вариантов: продолжить путь тем же маршрутом и прийти в известное место, которым заканчиваются любые кишки, или эвакуироваться в неизвестное, я, не раздумывая, выбрала второе.

Я осторожно тряхнула палочку-отмычку, чтобы она погасла, и та меня поняла. Великий телескоп! Это почему-то работает! Я тряхнула её ещё раз, и она снова зажглась! Приятная вещица. Сразу мне эти загогулины понравились.

Дверь в неизвестную комнату открылась подозрительно легко и бесшумно. Не то что бы я до этого не боялась, но теперь напугалась совсем: сердце опять подскочило к самому горлу, руки покрылись мурашками и вспотели, а уши за-

мерзли… Но вариантов особенно не было, поэтому я шагнула вперёд. После ста тринадцати шагов в тоннеле во тьме, это помещение показалось мне светлым и по-человечески прекрасным. Тут было уютно, не то что в ледяном, каменном коридоре. По левую руку от меня, у окна, легко различимые в темноте, стояли два кресла и маленький стол, накрытый огромным листом бумаги. Это было понятно по скручивающимся в рулон, свисающим краям. Справа, так близко, что я касалась её подолом, раскинулась широкая кровать и на ней кто-то дышал…

Надо было идти в тоннеле и дальше… – обречённо мелькнуло в голове. Я осторожно шагнула к двери, чтобы незамеченной выбраться наружу и не успела дойти до неё всего метра два.

– Бри? Это ты? Ты пришла… – промолвила темнота голосом моего недобитого мужа, эрда Тааля. И он драматично добавил: – Спасительница…

Я замерла, соображая: этот болезненный укол в грудь, он от страха? Или от бессовестного распутства супруга в мою, между прочим, брачную ночь! Скорее всего, от того, и от другого, конечно. В общем, ужас и возмущение сковали меня. Я, оглушённая переживаниями, отстранённо подумала, что всё-таки любые кишки кончаются задницей, и, наверное, надо срочно что-то предпринять. Но пошевелиться по-прежнему не могла. Хотелось противоречивого: бежать, любви и плакать. Поэтому я просто стояла и чего-то ждала. Идиотизм

был лично мне не свойственен, поэтому я со сдержанным любопытством наблюдала за развитием событий и молчала.

– Иди же ко мне! Я один тут совсем, – муж протянул ко мне руку с постели, и добавил трагическим шёпотом: – умираю… кажется.

И тут меня отпустило. Умирает он, видите ли! А раз умирает, пусть делает это интенсивней. Ему доктор вообще на месяц целибат прописал. Надо было ему ещё рецепт какого-нибудь бромо-содержащего питья стребовать, а то он вон как руки к незнакомым чепцам тянет, и это, заметьте, не мадам Любовница Николь! Почему-то драка вокруг часов меня так не впечатлила, как эта просьба о помощи умирающему, у постели самого умирающего.

– Ну же, иди к своему эрду.

Я не двигалась с места, прикидывая, успею ли добежать до потайной двери опять или уж стоит драпать ва-банк через главные двери? Оглянулась на ту и на другую и вздрогнула от голоса совсем рядом.

– Не бойся за меня, я справлюсь, – прошептал горячо эрд, самоуверенно прижимая меня к себе. От мужчины пахло свежим сеном, подозреваю, от трав, которые пропитали повязку, недавним сном и необъяснимой надёжностью. От этого в груди восторженно ёкнуло. И вот тут я действительно напугалась, отчётливо ощущая, что «эрдова труба», куда ближе, чем я предполагала. А что, если правда? Справится. У нас консумация по графику через год только. – Ты дро-

жишь… – опалил он дыханием мою скулу. – Бри… Как давно я тебя не знал… – твёрдые ладони сжали мою скромную пока-НЕпопу, и я втянула воздух носом. Это уж совсем чересчур. Что же делать – что делать? – Ты похудела? – Эрд облапал меня всю, особенно заметно прижимая в скромно выступающих местах, отчего я рефлекторно дёрнулась и качнулась назад. – Что за непотребный чепец на тебе? – Я крепко перехватила его руку, понимая, что близка к провалу, как никогда ещё в этом мире, и сама его поцеловала.

Эрд вздрогнул и замер, глядя на меня чёрными провалами глаз, я осторожно лизнула его в губы, мужские пальцы цепко сжались на моих не впечатляющих нижних достоинствах и… и всё.

Действительность растворилась, мир поплыл, Вселенные столкнулись… Остались только губы, вливающие в меня настоящую жизнь, за мгновенье превратившие меня в живое, раскалённое пламя, желающее пылать до последнего вдоха само и сжечь того, кто этот огонь мне дарил, с собой вместе. Мне кажется, даже то ли дымом, то ли озоном запахло.

Я отдавалась поцелую легко, охотно принимая страсть, которая мне не предназначалась, и не испытывала по этому поводу совершенно никаких угрызений.

– Бри. Бри… – исступлённо шептал супруг, жарко целуя моё лицо и подтаскивая меня к постели. – Бри, – выдохнул сорванным голосом, покусывая мои пальцы, отчаянно удерживающие чепец на месте, как последний бастион целомуд-

рия и здравого смысла.

Надо было немедленно что-то делать. Иначе мой план побега домой, грозил вот прямо сейчас лопнуть с грохотом, как чебаркульский болид – так что стёкла повылетают.

– Мне… – пролепетала, еле дыша, прямо в горячечные, жадные объятия.– Мне нужно… – и ведь невозможно же… сладко … – Нужно! – и рванулась из объятий эрда прочь. Мне ни за что не удалось бы это сделать, если бы я точно не знала, в каком именно месте была его рана. Со словами: – Прости, – я ощутимо нажала на место пореза, толкая его на кровать, и под сдавленный стон Тааля: «Бриии!», выскочила из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.